

*Твой дом там,
где твои любимые*

ТАТЬЯНА ТРОНИНА

*Огненный
Марс*

Татьяна Трoнина

Огненный Марс

«ЭКСМО»

2013

Трoнина Т. М.

Огненный Марс / Т. М. Трoнина — «Эксмо», 2013

Как много может увидеть маленький рыжий котенок со звучным именем Марс, путешествуя в чужом людском мире! Переходя из рук в руки, из дома в дом, он учится понимать людей и наконец находит Хозяйку и настоящий Дом. А Хозяйка, в свою очередь, не без помощи благодарного питомца, находит свою Любовь.

© Трoнина Т. М., 2013

© Эксмо, 2013

Татьяна Трoнина

Oгненный Марс

Мир был темен, когда *он* пришел в него. Но, верно, в той темноте таился смысл – новый гость понял сразу и отчетливо, что ему придется искать свой Дом самому. Самому обходить ловушки и преодолевать опасности, самому находить помощников и друзей. А для этого нужны не только острое зрение и чуткий нюх, но и другое, особенное чувство. Именно оно, словно компас, должно вести его вперед и давать подсказки – тогда, когда все остальные чувства начнут подводить.

Поэтому вокруг темнота, поэтому ничего не понятно – иначе волшебное чувство не сможет включиться.

Сам, все сам!

От осознания этого факта новый гость этого мира на миг пришел в отчаяние. А вдруг не справится, а вдруг – не найдет никого и ничего в темном лабиринте и сгинет за просто так?..

Он потянулся, заторопился вперед. Тело еще плохо слушалось его, и приходилось тратить неимоверные усилия, чтобы продвинуться хоть на сантиметр.

И вдруг он уловил Нечто. Слабый, мерцающий свет. Не глазами, еще слепыми, увидел это сияние, а словно тот самый волшебный компас в голове включился вместе с обонянием.

Значит, туда. Откуда идет теплое сияние. Скорее!

Новый гость издал клич нетерпеливой радости и заторопился, мучительно преодолевая сопротивление темного пространства. Там, откуда мерцал свет, – было всё. Тепло, еда, покой, спасение... Любовь.

* * *

– Какой ма-аленький! Да? Очень маленький. Как же он выживет? – прижав руки к груди, испытывая одновременно чувства жалости и восторга, прошептала Олеся – светловолосая, круглолицая девочка двенадцати лет, с прозрачными светло-серыми глазами, невысокая и хрупкая для своего возраста. Олеся являлась точной копией своей мамы Лены, стоявшей рядом.

Они отличались лишь ростом, да еще у мамы было две морщинки по обеим сторонам губ – от прилипшей к ним, казалось, уже навечно, невеселой, виноватой, смущенной усмешки.

Лена обнимала Олеся за плечи. Они только что стали свидетелями того, как их домашняя любимица, кошка по кличке Лимонка, родила своего первенца. Одного-единственного ярко-рыжего цвета котенка.

– Ничего, не пропадет, – разглядывая беспомощное, крошечное, со слипшейся шерсткой существо, возразила Лена, но тем не менее – с ноткой сомнения в голосе. – Говорят, у кошек девять жизней.

– Я слышала это выражение... Только все равно не верю. Люди много чего говорят ради красного словца. Это взрослый кот – сильный, может с высоты прыгнуть и не разбиться, и плавать умеет, и охотиться на мышей, и еще много чего. А маленький – он всегда беспомощный, – Олеся с беспокойством следила, как новорожденный звереныш тычется мордочкой во все стороны, ища маму Лимонку. Ее кличка не имела никакого отношения к оружию. Лимонкой назвали домашнюю питомицу потому, что ее пушистая, густая шерстка цветом напоминала желтый лимон.

Лимонка лежала на боку и растерянно вертела головой во все стороны. Это было чрезвычайно деликатное, пугливое, трепетное создание. Очень осторожное. Вероятно, кошка еще

не понимала, что произошло, не могла правильно отреагировать на происходящее. Первый же раз!

– Мам, ему помочь?

– погоди... Вот, видишь, малыш сам сообразил! – с облегчением вздохнула Лена, увидев, как котенок, тоненько попискивая, уже вполне целенаправленно двигается к животу Лимонки. Да и сама кошка словно очнулась от временного забытья – повернулась, подтянулась и принялась энергично вылизывать детеныша.

– Как мы его назовем? – спросила Лена у дочери.

– Ой. А ведь правда... Котенка надо назвать! Только кто это – мальчик или девочка?

– Сейчас, пожалуй, и не разберемся, – с сомнением произнесла Лена. – Позже если?

– Рыженький! Как огонь! – пробормотала девочка, наблюдая, как котенок припал к животу Лимонки и, смешно загребая крошечными лапками, принялся сосать молоко. – Я хочу придумать имя, чтобы оно к нему подходило. Было к лицу. Хотя, конечно, у зверей не лица, а мордочки...

– Барсик? Мурзик? – рассеянно предложила Лена.

– Нет, слишком просто. Если это он, то пусть котенка зовут... Марс! Он же цветом как огонь. Огненный Марс! Марс. Марсик... В школе недавно рассказывали о Красной планете. Ну, а если это кошечка, то пусть будет Марсианкой. А по-простому – Марся. Тоже ведь неплохо звучит?

– А что, прекрасная кличка, – согласилась мать.

– Но это чудо, да? Мам, ты согласна, что это чудо? – с воодушевлением продолжила Олеся. – Лимонка была одна, а потом вдруг появился котенок...

– Это всегда чудо, – улыбнулась Лена. Широкая, от души, улыбка очень шла ей и сразу делала молодую женщину уверенной, симпатичной. – Когда ты у меня родилась, я долго не могла в себя прийти. От какого-то невероятного чувства... От восхищения!

– Значит, ты мне обрадовалась, когда я появилась на свет?

– О, не то слово! – засмеялась Лена, целуя Олеся в лоб. – Я чуть с ума не сошла от счастья. Подумала – вот, теперь у меня есть моя девочка, моя самая-самая...

– Значит, и Лимонка сейчас радуется? – спросила Олеся и сама себе тут же ответила: – Радует-радует! Вон как мурчит довольно. Прямо светится тоже от счастья! Жалко только, что один котенок. Было б их штук пять или семь... вот было бы весело!

– Олеська, что ты! – испугалась Лена. – Семь котят! И что бы мы с ними со всеми делали? Они бы подросли немного и такой тарарам бы тут устроили!

– Вот и хорошо! – засмеялась девочка. – Как в зоопарке – много-много животных...

– А папа бы что сказал? – смущенно напомнила Лена.

Олеся замолчала, задумалась.

В этот момент хлопнула входная дверь, зашуршало, затопало в коридоре.

– Папа! – переглянувшись, в один голос произнесли Лена и Олеся.

И точно – через минуту в комнату вошел глава семейства, Георгий Зобов. Невысокий, худой, жилистый, с черными вьющимися волосами, Георгий, или, как он сам любил представляться окружающим – Жора («Жора, он же Гоша, он же Гога!» – добавляя непременно потом, с подмигиванием), видом напоминал цыгана. Жора считал себя красавцем, разбивателем женских сердец, да и сами женщины (не все, конечно, а какая-то часть из Жориного окружения) не раз откровенно восхищались его пусть и суховатой, но какой-то действительно жгучей, словно переперченной, мастью. И статью – тоже сухой, экономной, но притягательно-звонкой, как у танцора...

Жора считал, что его жене, Лене, безумно повезло с ним – ведь где еще она бы такого красавца нашла?.. А свою судьбу Жора не раз публично проклинал, заявляя, что мог найти

себе подругу эффектнее и умнее. И богаче. Ну, хотя бы не голодранку-приезжую, а москвичку, ровню. Которая бы родила ему сына, а не дочь. А то ведь что это за мужчина без сына, да?..

Итак, войдя в комнату, носившую гордое название «гостиной», Жора посмотрел сначала на Лену с Олесей – внимательно, цепко, по-хозяйски, затем, словно почувствовав чего, повернулся к дивану – и постепенно стал темнеть лицом.

– Эт-та что? – без всякого выражения (но, как известно, перед бурей всегда наступает штиль) спросил он. На диване, в уголке, поверх старенького клетчатого одеяла, в которое когда-то заворачивали маленькую Олесю, лежала Лимонка, мурчащая, перебирающая лапами – в приступе материнского блаженства. На животе ее, прочно присосавшись, висел крошечный рыжий котенок.

– Принесла вот, – виновато улыбаясь, поспешно произнесла Лена. – И всего одного, как удачно! А то что мы с целой оравой бы делали... Замучились бы раздавать, да, Жорик?

– Блин. Блин! – с тоской произнес тот, словно не слыша жену. – Я же говорил, что надо было стерилизовать кошку. Или хотя бы не вывозить ее на дачу!

– Ну а куда бы мы ее дели...

– А не надо вовсе заводить животное, если не знаешь, что с ним делать! Вот что теперь, в унитаз котенка спустить?! – голосом, в котором все больше и больше звенела сталь, произнес Жора. – Блин, Лена, надо же сначала думать, а потом делать. Ты же, заводя животное, берешь на себя ответственность!

– Мы Лимонку стерилизуем, обязательно стерилизуем! Больше такого не повторится. Ну кто же знал...

– И где... Блин. Я же на этом диване сижу. А у вас кошка на нем рожает! Чудесно, просто чудесно. У меня такое ощущение, что вы, девушки, меня ни в грош не ставите!

– Пап, но мы же одеяло постелили! – подала голос Олеся.

– Какая прелесть. Они одеяло постелили... Мне уже легче. Ну конечно, я тут никто, и имя мне никак. Сидят дома целыми днями, ни фиги не делают, у меня на шее... – Жора развернулся и направился в сторону кухни. – Пойду хоть бутерброд себе сделаю!

Лена чувствовала себя виноватой. В самом деле, ужин она сегодня так и не приготовила – не отходили с дочерью от кошки, которая не сразу смогла разродиться. Но как Жора узнал, что ужина не будет? Хотя что тут удивительного, в доме едой не пахло.

Плохая она жена... Муж, который тянет на себе всю семью, заслуживает большего.

Раньше Лена работала в школе, учительницей музыки. Но деньги, которые она получала, были, на взгляд Жоры, смешными. И тот попросил ее стать домохозяйкой – хоть в доме порядок будет. А она...

– Мам. Мам, он не станет топить Марсика? – с ужасом прошептала Олеся, глядя на крошечного рыжего котенка.

– Ты с ума сошла... Конечно, нет! – дрожащим голосом произнесла Лена. – Папа просто намучился за день, пришел после работы, а мы его даже не встретили. Конечно, ему обидно стало.

Лена побежала на кухню, готовить мужу ужин, а девочка осталась в гостиной. Котенок теперь спал, прижавшись к теплоте животу Лимонки – да и та сонно, устало жмурилась после тяжелого дня, тоже готовая вот-вот задремать.

Олеся думала о том, что было бы здорово, если бы папа вел себя по-другому. Пришел бы, подивился на это крошечное рыжее чудо на диване, обняв за плечи маму и ее, свою дочь, пошутил бы, поговорил бы о том, какую кличку выбрать новому питомцу.

Ну, что-нибудь такое сделал, чтобы показать, что он с ними, с Олесей и Леной. А не так, как сейчас и как всегда, почему-то – он отдельно, а она, Олеся, с мамой – тоже отдельно.

А еще Олеся думала о том, почему нельзя позвать в дом девчонок из школы и показать им новенького котенка... Папа был против визитов одноклассников в дом – однажды Олеся

пригласила друзей, а потом 500 рублей пропали, которые лежали на комоде, в той комнате, где раньше бабуля жила.

...Бабуля была очень доброй. Кстати, вот именно она, любимая бабушка, находилась всегда рядом с Олесей и мамой. Раньше. Они тогда были – втроем (бабушка, мама и внучка). Хотя бабуля – не мамина мама, а папина. Жалко, что ее больше нет. Бабуля бы тоже радовалась сейчас котенку! И сказала бы папе, что он не прав... Что надо дружить и радоваться, а не ругаться по пустякам. Ведь ничего страшного не произошло!

...На кухне.

Лена готовила омлет, а Жора сидел за столом, опустив голову. Потом произнес негромко:

– Шлюха. И кошка такая же шлюха, как ты. Блин, не дай бог и Олеська по твоим стопам пойдет!

– Жора, но это же кошка, ничего такого странного в том, что она принесла котенка...

– Сколько лет не приносила, а тут принесла! Я тебе говорю, что это шлюшья порода – они все бесплодные.

– Ты же сам себе противоречишь! Ну почему же бесплодные? Вон, котенка принесла... – с отчаянием возразила Лена. – И у меня ребенок есть!

– Ага, создалась, кто ты есть... – усмехнулся Жора. – У шлюх всегда один ребенок. Один. Но другого, второго (мальчика, например!) они родить не способны. От того, кто их действительно любит и кров им дает. Потому что – неблагодарные!

– Господи, Жора... Как бы я хотела тебе сына родить, но не получается почему-то! Я тебя очень люблю, я тебе благодарна за все, и Олеська – твоя дочь, ты же знаешь. Давай генетическую экспертизу сделаем, я не против.

– Ты не против, спасибо. А деньги на экспертизу из моего кармана, между прочим. Нет уж.

Это был давний спор.

Когда-то, примерно пятнадцать лет назад, Лена училась в педагогическом вузе. Встречалась с юношей, тоже приезжим, студентом лесотехнического института. Собирались сыграть свадьбу, отучиться и уехать на родину молодого человека, в Томскую область.

Но тут появился Георгий Зобов. Тоненькая, светловолосая и светлоглазая, похожая на сказочного эльфа Лена настолько очаровала москвича Жору, что он взял девушку в осаду. Ходил за ней целыми днями, простаивал под окнами общежития, дарил цветы и конфеты... Стоял на коленях и один раз даже пытался вскрыть себе вены на ее глазах.

Разумеется, Лена не смогла устоять перед столь пылкими проявлениями любви. И будучи девушкой мягкой, жалостливой – она однажды сдалась. Да и подруги, как сговорившись, шептали ей в уши – «не будь дуручкой, бросай своего лесотехника, бери москвича!».

И Лена выбрала Жору. Дополнительным бонусом этого брака было еще и то, что мама Жорина, Ирина Витальевна, оказалась чудеснейшей женщиной! Не свекровь, а сокровище.

Студент-лесотехник был заброшен и забыт. Из социальных сетей, много позже, до Лены дошла о нем следующая информация – уехал в Томск, женился, трое детей. Абсолютно счастлив и реализован, теперь директор какого-то крупного предприятия. «Ну, дай-то Бог...» – подумала Лена спокойно, разглядывая на экране монитора фотографии счастливого семейства. Она давным-давно охладела к предмету своей первой любви, и теперь ее сердце принадлежало только Жоре.

Но самым обидным было то, что Жора нисколько не верил жене. После свадьбы Жору начали терзать приступы ревности к прошлому Лены. Он будил жену среди ночи и с пристрастием спрашивал, кто ей снился сейчас. Не тот ли лесотехник?

После рождения Олеси, дочери, характер мужа еще больше испортился. Он постоянно требовал к себе внимания, капризничал, скандалил по пустякам. Лишь Ирина Витальевна могла повлиять на него.

Пожилая женщина искренне привязалась к своей невестке, ну, а Олеся просто боготворила, ничего для девочки не жалела. (Собственно, кошка Лимонка – это подарок бабушки внучке к первому классу.)

У Жоры появилась новая мания. Он теперь принялся утверждать время от времени, что Олеся – не его дочь. А того самого лесотехника. Тот факт, что Олеся родилась через два года после того, как Лена рассталась со своим первым женихом, Жора подзабыл, что ли?

Жору не могли успокоить Ленины клятвы («твоя это дочь, твоя!»), он терзался сам и продолжал терзать своих близких. Лишь Ирина Витальевна, взвалив на себя роль миротворца, хоть как-то сглаживала конфликты в семье. Она-то ни секунды не сомневалась в преданности Лены своему сыну.

После смерти свекрови наступил хаос. Жора уже цеплялся к любой мелочи, и нельзя было угадать, к чему тот может придраться в ближайший момент. Он разлюбил Лену, полюбил другую? Ведь только нелюбимую жену можно было так терзать и мучить...

Действительно, а что, если у Жорика завелась любовница? Или даже несколько женщин на стороне? Лена знала, что муж пользуется успехом у прекрасного пола. Да и вообще Жорик обладал даром нравиться людям. Всем.

Следует отметить, никто из тех, кто восхищался им – галантным, вежливым, образованным, начитанным мужчиной, – и подозревать не мог, что Жорик на самом деле настоящий домашний тиран!

Возможно, у него и были романы с кем-то. Но поймать мужа Лена не могла, да и не очень стремилась сделать это. Ведь страшно заглянуть в глаза правде, страшно принять какое-то решение...

* * *

Она, именно *она* – стала в первые его дни на этой Земле тем самым Домом. Лучшей, самой надежной защитой. Она давала ему пищу и тепло.

Он, рыжий Марс (а это был именно он, а не она), еще не видел матери, но чувствовал – она здесь, рядом, и она всегда позаботится, успокоит его. Научит всему. Вот как только подполз к ее теплоте животу, нашел сосок – так и стала потихоньку, с молоком, в него вливаться информация.

Его мать звали Лимонкой.

Одну лишь ласку дарила она – вылизывая, кормя, воспитывая своего сына. Могла лишь иногда осторожно подтолкнуть лапой.

Успокаивала, утешала своего сына Лимонка так – прижималась к нему и заводила волшебную песню. Эта песня чудесным образом преображала все вокруг, делала мир лучше. Дарила покой и мудрость, которая, в свою очередь, помогала смириться с различными неудобствами, досаждавшими маленькому детенышу, как то: холодом, беспокойством, страхами, неприятными коликами в желудке... «Все хорошо. Все пройдет. Ничего не бойся. Впереди – только лучшее!» – пела Лимонка сыну. И после таких песен Марс обычно засыпал глубоким, спокойным, счастливым сном. А просыпался потом свежим и полным сил.

Помимо Лимонки, поблизости находились еще какие-то существа. Люди – как потом сообщила Марсику мать. Сначала люди ужасно пугали его – потому что другие. Чужие! Непонятные.

Когда Марсик наконец открыл глаза, то ужаснулся тому, какие эти люди огромные!

Иногда люди брали его в руки, переворачивали, гладили, говорили по-своему – странными, непонятными, тоже чужими голосами. Людей было двое – тех, что находились с Марсом совсем рядом, – девочка и взрослая женщина, а еще один, третий человек, взрослый мужчина – ходил где-то неподалеку. Марс инстинктивно их всех боялся. Хотя первые два человека не

причиняли Марсу зла, а мужчина – и вовсе не обращал на Марса никакого внимания, никогда не брал котенка в руки.

Лимонка, как хорошая мать, постоянно сообщала сведения Марсу о внешнем мире. Сначала рассказала сыну о *своих* – о том, как различать сородичей, чего опасаться, а чего нет, и многое другое. Потом поведала о людях – тех, кто рядом. Посоветовала не бояться тех двоих существ женского пола, мать и дочь, что жили рядом. А вот мужчину лучше стороной обходить, поскольку он кошек не очень-то жалует...

Сначала Марсик не разбирался в людях, кто есть кто из них, какого полу и кто в каком родстве друг другу. Но потом, переходя из рук в руки, потихоньку стал различать людей, их возраст и пол и даже запомнил их человеческие имена.

Старшую женщину звали Леной, а младшую – Олесей. Мать и дочь.

Так вот, о родственных связях между людьми можно было, оказывается, догадаться по их энергетическому потоку. Этот энергетический поток исходил от любого живого существа и нес в себе важную информацию. Возраст, пол... Всё! Надо только вдохнуть носом внимательно. И даже больше того – наловчившись потом, Марс приспособился читать судьбы людей, понимать мотивы их поведения, угадывать их настроение, и – самое важное! – узнавать, как эти люди относятся к нему, к Марсу!

Скоро Марс открыл глаза и принялся изучать окружающий мир уже на собственном опыте.

* * *

– Мам, смотри, малыш меня не боится! Лежит и смотрит на меня! – восхитилась Олеся, держа котенка на ладонях, пузиком вверх. – Такими умными глазками! Как будто все-все понимает.

– Гм. Похоже, это мальчик у нас, – улыбнулась Лена. – Все-таки Марсик, значит.

– Ой, правда? А как ты это определила? Ну, не важно, – на миг смутилась Олеся. – Марсик! И он больше не пищит, когда я его на руки беру. Раньше пищал испуганно, а теперь мурчит. Значит, ему нравится, когда я его беру? Ути мой рыженький! Какой же хороший! – со страстью, убежденно произнесла она. – Лучше всяких плюшевых игрушек. Я Лимонку очень люблю, но этого малыша – просто обожаю!

– А... если придется его отдать? – осторожно спросила Лена. – В чьи-то тоже хорошие, добрые руки?

– Нет. Нет!

– Олесечка... вон, папа вчера в его лужицу наступил, очень ругался, – мягко напомнила Лена.

– Не отдам, – упрямо сказала Олеся. – И как Лимонка без сына? У нее же сердце разорвется! Вот если бы меня у тебя отняли – ты бы тоже переживала, да, мам?... – Олеся осторожно положила котенка на диван рядом с Лимонкой.

* * *

Жора слушал их болтовню из соседней комнаты и нетерпеливо морщился. Лена, оказывается, до такой степени разбаловала Олесю, что девочка перестала головой думать, превратилась в классическую капризулю. А дальше что?..

Очень хотелось сорваться, вмешаться, но смысл?

Вот Олесю, сколько он, Жора, с ней ни возился, все равно только свою мать слушается. А мать, то есть Лена, – кто? Беспомощная, ленивая, бестолковая женщина. Она не реализовалась в профессии, не смогла стать хорошей матерью, образцовой хозяйкой!

Зря он когда-то принял решение жениться на ней, прописать в своей квартире. А потому что потерял от любви голову. Был готов на все, на любые безумства. Если кто и мог остановить его тогда, много лет назад, так это только мать, Ирина Витальевна.

Но, вместо того чтобы наставить сына на путь истинный, Ирина Витальевна приняла сторону невестки.

Это ведь ужасно обидно, когда родная мать выбирает не тебя, а чужого человека. Не пытается понять, помочь родному сыну, а носится, словно с писаной торбой, с какой-то провинциальной дурочкой.

А потом родилась Олеська, и Ирина Витальевна совсем с цепи сорвалась. Она перестала обращать на Жору внимание, только внучкой занималась. Это ведь обидно, очень обидно, когда родная мать не тебе говорит слова ласки и любви, а кому-то еще, пусть и родной внучке! Но не сыну. На самом деле все слова материнской любви, все ее ласки должны принадлежать только ему, Жоре.

Сначала Ирина Витальевна обокрала Жору, потом Лена обокрала его, а уж потом – и Олеся. Обидно до слез. Олеська только Лену слушается, только ее любит, а на него, на отца – никакого внимания. Вот и сейчас с котенком возится, сюсюкает... Обожает она рыжего паршивца, видите ли! Отца надо обожать, а не кошек каких-то. Кстати, первую кошку, Лимонку, Олеське подарила Ирина Витальевна. Словно назло сыну, с брезгливостью относящемуся к этой так называемой «живой природе»...

Да, да, если вспомнить, Ирина Витальевна никогда не любила Жору. Только изображала любовь. А на самом деле была полностью погружена в свою работу. Участковый педиатр! Всегда – то в поликлинике, то на вызовах, то бежит куда-то поздним вечером, к каким-то незнакомым машенькам и васенькам, вместо того чтобы сказать бестолковым родителям этих детей – вызовите «неотложку», нечего людей в нерабочее время дергать! Висит на телефоне, давая советы...

Господи, даже когда мать ушла на пенсию, покоя все равно не было. Звонили, приходили. Приходили эти уже давным-давно выросшие машеньки и васеньки с цветами и конфетами, и мать убивала целый вечер на болтовню с ними, вместо того чтобы посвятить это время единственному сыну. Эти люди продолжали звонить даже тогда, когда матери не стало, каждый раз напоминая Жоре о том, чего он был лишен всю жизнь.

Ведь именно мать лишила его отца.

Человека, который являлся для Жоры главным. Подумаешь, загулял мужчина! Если женщина мудрая, то она простит. И сделает все, чтобы вернуть мужа в семью, не станет разлучать его с ребенком.

Жора когда-то, в первые годы своего брака, не собирался повторять родительских ошибок. Да, он тоже неидеальный муж, но он свои похождения (кстати, довольно редкие, по пальцам одной руки пересчитать можно) держал в тайне. И семью бросать не собирался. Он всеми силами пытался объединить своих родных. Чтобы только он, Лена и Олеська. Чтобы никто не лез со стороны, чтобы в доме никаких посторонних лиц.

Ни подружек Ленкиных или Олеськиных, ни соседей, никого. Это Жоре удалось – когда уговорами, когда хитростью – избавил он дом от ненужных людей. Заставил Олеся сидеть дома в свободное от школы время, а не шлаться по улицам. Разогнал всех ее одноклассниц с помощью небольшого трюка. И Лену, супругу, отговорил не только от друзей, но и от работы.

Они ведь семья. Они должны быть вместе, любить друг друга!

Словом, до какого-то момента Жора думал, что можно еще что-то исправить, изменить. Но потом понял, что поздно. Да и вообще, если подумать, люди не меняются.

Лена с Олеськой остались все теми же дурочками. Может, правда, Олеся – не его дочь? Сначала Жора говорил это в шутку, чтобы напомнить жене о том, кто в доме главный, о ком

надо помнить всегда, кто Отец – в самом высшем смысле этого слова, но чем дальше, тем сильнее сомневался в своем отцовстве.

Они, Олеся и Лена, должны любить его. А ведь не любят! Значит, они чужие... И мать чужой всегда являлась! Только отец чужим не был, но мать выгнала того из дома.

– Господи, какой же я несчастный... – пробормотал Жора, мучительно морщась. – Что же делать-то, как жить дальше?

* * *

С того времени как Марс открыл глаза и решился на долгие прогулки по дому, он все активнее осваивал внешний мир. И изучал людей.

Больше времени Марс проводил с девочкой Олесей. От Олеси исходили волны добра и ласки, ей можно было довериться полностью. Она не могла причинить Марсику зла, и потому тот считал ее своим главным другом. На втором месте находилась Лена. Тоже добрая, ласковая, не способная причинить зло, хотя играла с Марсиком гораздо меньше, что в глазах котенка являлось безусловным минусом. С мужчиной, Жорой, Марс пока не сталкивался особо...

И вот, изучая людей, Марс сделал неожиданное открытие. Он и раньше замечал, что от каждого живого существа идет свое, особое свечение. Ну, словно золотистый ореол вокруг, мерцающая цепочка световых сигналов...

Вот, например, Лимонка. Вокруг нее – ровный, плотный золотистый ореол. Когда Марс был еще лишен возможности смотреть глазами, он тем не менее видел этот свет, каким-то внутренним зрением. И всегда, безошибочно находил Лимонку по этому свечению.

Вокруг девочки Олеси тоже мерцал золотистый ореол – хоть и прочный, но тонкий.

Вокруг ее мамы-Лены – та же тонкая золотая цепь... Но – словно порванная в одном месте. Незамкнутая! И это плохо – скоро понял Марс. Ведь в разорванное пространство уходила вся энергия женщины. Оттого Лена чувствовала себя вечно усталой и печальной.

Если так, то замкнутый золотистый ореол нес определенную функцию – защитную! Наверное, Лена не знала, что всему виной эта разорванная цепь. Люди вообще являлись довольно-таки беспомощными, бестолковыми существами, по наблюдениям Марса. Они не подозревали, что если эта цепь вокруг них, выполняющая функции Защитного поля, была нарушена – то они чувствовали себя плохо.

Можно ли помочь людям?

Однажды Марс стал свидетелем и участником следующей сцены.

Он, на диване, только что наелся материнского молока и теперь лежал под боком Лимонки. Та уже завела свою Волшебную песню... В этот момент появилась Олеся, села рядом, с книгой в руках. Не села, а плюхнулась, явно раздраженная и несчастная. Волны недовольства так и исходили от нее! И в этот самый момент три защитных поля – его, Олеси и Лимонки – словно соединились. Сомкнулись – благодаря Лимонке.

Да, да – их всех теперь окутывало единое плотное, нигде не нарушенное защитное поле. А внутри – Лимонка вновь завела свою Волшебную песню, которая восстанавливала силы как Марса, так и Олеси. Волны беспокойства, которые исходили от девочки, постепенно затихали.

Но дальше – больше! Появилась Лена, села рядом с дочерью, обняла ее, и единое защитное поле, которое окутывало Олесю, Лимонку и Рыжего, соединилось с Лениным, разорванным. И края той дыры, сквозь которые уходили Ленины силы, вдруг сомкнулись. Теперь женщина тоже находилась внутри Защитного поля, во власти Волшебной песни, которая давала силы, утешала.

Марс, который уже засыпал, тем не менее решил исследовать удивительное явление. Вскочил, забрался на колени Олесе, потрогал лапкой страницы у книги (как приятно шуршит!

Но не отвлекаться!), потом прыгнул на Лену и принялся карабкаться по ее спине. И от Лены, и от Олеси определенно исходили сейчас волны покоя и счастья.

Марс скрупулезно изучал прочность Защитного поля. Оно выглядело гибким, но вместе с тем – плотным, единым, теперь для всех четверых. Очень плотным. Словно чем больше живых существ соединялось под защитой этого поля – тем оно становилось прочнее.

Потом Лена ушла, поля расцепились, но, насколько заметил Марс, дыра в защитном поле вокруг Лены после лечебного сеанса Лимонки стала значительно меньше, края ее почти сомкнулись.

Наверное, в этом была великая миссия кошек – лечить, латать поврежденное Защитное поле – догадался Марс. И он, Марс, как и его мать, Лимонка, скоро тоже сможет помогать людям.

* * *

– ...Пап, ты не занят? Можно на минутку? – дверь приоткрылась, и в кабинет к отцу заглянула Олеся.

– Что тебе? – подняв голову от книги, строго спросил Жора. Он терпеть не мог, когда родные отвлекали его от чтения. Мужчина любил серьезные, философские книги, в которых поднимался вопрос о смысле жизни и предназначении человека. А родные, как назло, приставали со всякой ерундой. Либо Лена начинала клянчить деньги (и это притом, что он выдавал ей их каждую неделю!), либо Олеська просила проверить у нее математику. Но объяснять дочери тонкости умножения и деления натуральных чисел – невыносимо скучно...

– Смотри! – дочь сунула ему под нос котенка.

– Что еще? – слегка отстранился Жора, страдальчески сведя брови. – Видел я этого рыжего засранца!

– Пап, мы с мамой ему ошейник нашли. Смотри, какой красивый! А тут медальон, и на нем выгравировано – «Марс». Красиво, да?

Котенок вертелся в руках дочери и лапой пытался содрать с себя ошейник.

– «Нашли»... – хмыкнул Жора. – Что за лицемерие! Уж называй вещи своими именами. Под ногами, поди, валялось, можно подумать... Купили!

– Купили, – вздохнула Олеся. – Зато какой красивый ошейник. И Марсику идет, правда?

– А гравировку заказали, да? – тоже вздохнул Жора. На мужчину вновь напала тоска. – Господи, Ленке лишь бы деньги на всякое барахло спустить! Ты-то ладно, а она...

– Папочка, это совершенно недорого!

– Олесечка, а если много раз по «недорого»? Ты даже не представляешь, сколько у нас в семье бессмысленных трат. Я выдаю твоей матери определенную сумму – на еду, на коммунальные услуги, на бытовую химию... И она каждый раз умудряется превысить лимит. А я, между прочим, не олигарх, миллионов не зарабатываю...

Жора смотрел на лицо своей дочери, которое становилось все несчастнее и несчастнее. И все больше убеждался в том, насколько его родные оторваны от жизни, эгоистичны и... глупы.

– Папа, я вырасту, пойду работать и все те деньги, что мы с мамой неправильно потратили, верну тебе.

– Нет, Олесечка, пока ты вырастешь и начнешь зарабатывать, пройдет много-много лет. И я еще кучу денег буду вынужден отдать за твое образование (а оно нынче бесплатное), за твои наряды, за твою косметику... Ты же вырастешь и потребуешь все это с меня, так? Поэтому ты не сможешь расплатиться за все. А потом знаешь что произойдет? Ты выйдешь замуж, и твой муж не позволит тебе и копейки отдать своему старенькому папе.

Олеся тихо заплакала, а котенок в ее руках еще сильнее забрыкался, пытаясь вырваться.

– Он хороший... я хотела тебя порадовать. Я просто хотела поговорить с тобой, ну, а ошейник, он только как повод... Папочка! Ну пожалуйста... Поговори со мной! – бормотала Олеся. И, вероятно, ничего не соображая от слез, положила Марсика на колени отцу.

* * *

От мужчины буквально исходили волны раздражения. Насколько понимал Марс, дочь (а Олеся являлась дочерью этого мужчины, потому что в ее запахе была и частичка запаха Жоры) пыталась успокоить отца, приласкаться к нему, а тот был чем-то недоволен.

Чем? Почему? Что происходит с Жорой?

Марс принялся, анализируя идущую вместе с запахами информацию. Иногда причиной дурного настроения может быть плохая пища. Насколько уже изучил людей Марс, они не слишком-то разбирались в еде и могли проглотить то, что и нюхать-то неприятно! Или, наоборот, голод мучил – тогда в воздухе вокруг человека носились кисловатые ароматы желудочного сока. Или еще, например, холод или жара досаждали... Обо всем этом сигнализировали запахи. Болезни тоже можно было почуять носом!

Но Жора, судя по всему, был сыт, здоров и не страдал от перепада температур. Тогда в чем же дело?

Марс сконцентрировался, включив все органы чувств. Может быть, причина в Защитном поле мужчины? Оно у Жоры выглядело плотным, бело-серебристого цвета.

Марс забарахтался, вытягивая шею, уж очень не терпелось разгадать эту загадку! Он был любопытный, юный кот.

И в этот момент девочка Олеся положила его на колени мужчине. По примеру своей матери, Лимонки, Марс немедленно попытался соединить свое Защитное поле с Защитным полем Жоры в единое целое – ведь тогда бы он смог помочь мужчине. Но нет!

Жора находился словно в твердой, совершенно непроницаемой капсуле, изолированной от внешнего мира. В броне своего поля. Защитные поля – Марса и Жоры – решительно не соединялись. Они скользили рядом, но не сливались в единое целое.

Жора был один внутри своей оболочки и не хотел (или не мог?) пускать внутрь ее кого-то еще. И в этом вся проблема, догадался Марс. По каким-то причинам мужчина полностью отгородился от внешнего мира, от других людей, от своих родных – и потому испытывал вечное беспокойство и недовольство.

Надо сказать, что все эти выводы Марс сделал очень быстро. Буквально за несколько мгновений он успел «просканировать» Жору.

А потом мужчина сбросил его со своих коленей. Да, да – Жора буквально отбросил от себя котенка. Марс перевернулся в воздухе, но, к счастью, успел приземлиться на все четыре лапы. Тем не менее столь бесцеремонное отношение ужасно ему не понравилось. Выходит, Лимонка не зря предупреждала сына, что от Жоры надо держаться подальше!

Недовольный, рассерженный, испуганный, кипящий от возмущения Марс проскользнул мимо Олеси, умчался в другую комнату, под шкаф, и там, дрожа, сжался в комок.

Выбрался оттуда не скоро. Огляделся – никого в комнате. Стоп, а это что такое? Какая-то призрачная масса вдруг проявилась из воздуха и теперь двигается в углу, где кресло. Похоже на женщину, пожилую. Марс опять испугался, но тень пожилой женщины вела себя неагрессивно. Просто сидела в кресле, качала головой, всплескивала руками. Судя по движениям, печалилась, переживала. Марс подошел ближе, принялся, потрогал лапой. Гм, лапа словно пустоту поймала... Котенку стало неинтересно, он убежал. Его занимали более насущные проблемы, а не призраки, от которых никакого толку.

...Надо как-то донести до Жоры, что так вести себя нельзя. И еще рассказать мужчине, что у того не в порядке Защитное поле. Ну нельзя же жить одному, внутри своих переживаний! Вон, Лена и Олеся ходят вокруг этого Жоры кругами и никак не могут достучаться до него...

Решено. Он, Марс, должен послать Жоре важное сообщение. Написать письмо. Жора прочитает это письмо и поймет, что не прав. Пусть Лимонка и предупредила сына, что не стоит связываться с Жорой, но Марс – он вовсе не безропотный и смиренный, и он не намерен мириться с безобразием, творящимся вокруг.

Огненный Марс изменит все. И поможет всем!

* * *

Все чаще Жора вспоминал о своем отце и каждый раз при этом испытывал раздражение в отношении покойной матери. Та не имела права рушить их семью...

Мать, Ирина Витальевна, говорила, что отец сам ушел из семьи, встретив другую женщину, но разве это причина для расставания? Она как женщина могла его остановить. Придумать какую-нибудь хитрость! Надо было бороться за отца, держать его обеими руками, а не отпускать...

Отец ушел и потом ни разу не изъявил желания увидеть сына. Быть отвергнутым собственным отцом – тяжело...

Жора так страдал от этого в детстве и юности, что поклялся сам себе – ни один человек больше не заставит его страдать. И он воздвиг между собой и другими людьми словно каменную стену.

Стал жить по уму, а не по чувствам.

Будучи уже сам в браке, всегда строго выполнял свои мужские и отцовские обязанности – тут уж никто не мог его упрекнуть. Работал как вол. Но все равно чувствовал себя несчастным, обделенным... Недолюбленным.

– Что за жизнь такая... – пробормотал Жора, вставая ранним ноябрьским утром. За окнами – темнота. – Все нормальные люди еще спят, один я как проклятый...

Под «всеми людьми» Жора подразумевал своих домашних. Им-то хорошо! У Олеси каникулы, а Ленке вообще никуда идти не надо. Еще часа два дрыхнуть будут... Неплохо устроились. А могли бы встать, проводить отца. Хотя нет, от них только беспокойство и раздражение! Лучше бы их вообще не видеть...

Жора быстро перекусил бутербродом, оделся, вышел в переднюю. Накинул на плечи пальто, втиснулся в ботинки... И только тогда понял – что-то не так.

Пошевелил пальцами правой ноги. Как-то мокро, что ли? Жора скинул ботинок, взял его в руки, принялся.

– Бли-ин... Это он, рыжий стервец. Точно, он. Лимонка себе такого никогда не позволяла. Ах, гаденыш... Обувь мне испортил! Теперь только выкинуть. Ну ничего, я и тебя выкину!

Жору буквально трясло от злости. Но он все-таки заставил себя переодеться – нашел старые свои ботинки. Затем тихо-тихо, стараясь никого не разбудить (не то крику будет, ору!), он проскользнул в гостиную, схватил рыжего котенка, спавшего рядом с кошкой, и тут же выскочил из дому.

...Холодно, темно. Рыжий котенок испуганно пищал в ладонях, царапался.

– Ух ты, больно... – выругался Жора. – Когти-то отрастил!

Жора, чертыхаясь, добежал до соседнего сквера и бросил котенка на клумбу – где летом росли цветы, а теперь была одна рыхлая, комковатая, черная земля. Котенок, сидя на земле, прижал уши и принялся истошно мяукать, оглядываясь по сторонам. Но с места сдвинуться боялся...

И хорошо, пусть сидит здесь. Скоро выйдут собачники со своими питомцами. И уж эти питомцы, как всегда, без поводков и намордников, покажут почем фунт лиха этому рыжему наглецу...

* * *

Лимонка мяукала, бегая взад-вперед по квартире. Искала Марсика – как поняли Лена с Олесей, уже проснувшиеся к тому времени. Они тоже принялись звать своего любимца, пока еще ни о чем не подозревая. Наверняка котенок спрятался в какой-нибудь шкаф!

Через некоторое время, когда были перерыты все шкафы и открыты все ящики, стало понятно, что Марсика в квартире нет. Выскользнул в приоткрытую дверь, когда отец семейства уходил рано утром на работу?

Исследуя в подробностях прихожую, Лена наткнулась на ботинок мужа, валявшийся в углу, за галошницей. Хотела поставить ботинок на место, но... Терзаемая смутными сомнениями, понюхала его, поморщилась и – похолодела, представив, как, наверное, разозлился утром Жора, обнаружив, что его обувь безнадежно испорчена! А ботинки-то новые, между прочим, и недешевые – муж очень заботился о своем имидже, покупал себе только красивые и качественные вещи.

«Это сделал Марсик...» – догадалась Лена. Воспитанная и пугливая Лимонка никогда бы себе не позволила подобного. А нахальный котенок – запросто. Тем более что Олеся рассказала матери, как вчера отец обошелся с ее любимцем! Кошки бывают обидчивыми, могут отомстить своим хозяевам таким вот образом.

Пока дочь скрупулезно обыскивала кухню, Лена убежала в дальнюю комнату и позвонила по мобильному мужу.

– Алло... Жора, извини, что беспокою, но ты не в курсе, где котенок? – задыхаясь, спросила женщина.

– А ты в курсе, что ваш драгоценный котенок натворил? – мрачно буркнул муж.

– Господи... ну, бывает! Там Олеся в панике, чуть не плачет! Жора, где он? Говори быстрее.

– Я его вышвырнул на улицу.

– Ты шутишь?

– Я серьезно.

– Скажи, что ты шутишь! – взмолилась Лена.

– Я не шучу, – холодно повторил муж. – Скажи спасибо, что я не убил этого гаденыша. И хватит мне истерик на пустом месте, лучше бы обо мне так беспокоились, как об этом котенке!

В трубке раздались короткие гудки.

– Мам, его и на кухне нет! – в комнату вбежала Олеся. – А ты папе звонила? Я вот подумала сейчас – а вдруг папа унес Марсика? Решил кому-нибудь отдать и...

Лена врать не умела. Поэтому она решила промолчать. Но зато Олеся хорошо могла читать по ее лицу. Девочка села рядом с матерью, прижалась к ее плечу и спросила ровным, без всяких интонаций, голосом:

– Мама. Мама, скажи честно – он его все-таки утопил в унитазе?

– Не говори глупостей. Унитаз бы засорился.

– Мама!

– Он его унес. Марсик напрудил ему в ботинок, и папа его... унес, да.

– Выбросил, значит! – с отчаянием прошептала Олеся. Несколько секунд сидела неподвижно, потом сорвалась с места.

– Ты куда?

– На улицу! Вдруг Марсик еще там...

– Погоди, я с тобой!

...Они обегали все улицы вокруг, осмотрели все подворотни, поспрашивали прохожих. Рыжего котенка нигде не было, его никто не видел.

– Наверное, Марсика сразу забрали. Он такой хорошенький, что кто-то наверняка решил забрать его к себе домой! – сказала Лена.

Олеся молчала. Девочка даже не плакала.

– В конце концов, ничего страшного. Холодно, идем домой! – Лена обняла дочь за плечи. В воздухе и правда кружился первый снег, изо рта при разговоре валил пар.

Дома Олеся скинула с себя ботинки и повалилась прямо в одежде на свою постель.

Лимонка жалобно замыкала, выбежав навстречу хозяевам. Лена взяла кошку на руки, села на кровать, рядом с дочерью.

«Папа не виноват. Он ничего плохого не сделал... В конце концов, это твой котенок, ты была обязана за ним следить!» – вертелось в голове у Лены. Но вместо этого она сказала дочери:

– Я устала. Я так устала, словно и днем, и ночью, не разгибаясь, таскаю на себе тяжелые мешки. Я не помню, когда у меня было хорошее настроение... Но ведь это невозможно! Давай уйдем отсюда, а? – вдруг вырвалось у женщины.

Лена и сама не ожидала от себя подобных слов. Это же глупо – уйти из дома, от мужа, обидевшись на него из-за какой-то ерунды! Куда они пойдут с дочерью, зачем?

– Давай, – неожиданно согласилась дочь. – А ты не бойся, мама. Мне кажется, папа нас совсем не любит. Совсем-совсем.

– Совсем. Это была последняя капля, – решительно произнесла Лена. – Он ведь не Марсика наказал, а нас. Вот что. Я сейчас уйду по делам. Узнаю насчет работы, потом съемную квартиру найдем. Будет очень тяжело... Но ничего.

В Олесину школу требовалась учительница младших классов. На прошлом родительском собрании завуч подходила к Лене, спрашивала: «Вы ведь педагогический институт заканчивали? Могли бы у нас поработать?» Лена тогда категорически отказалась: «Нет-нет, муж против!»

Хоть бы вакансия осталась свободной! Пусть и небольшие деньги платили учителям, но что ж поделать. Возможно, удастся снять у кого-нибудь комнатку неподалеку... Очень ведь не хотелось, чтобы Олеся пришлось менять школу.

«Не любит. Совсем-совсем не любит. Олеся права... С ним стало невозможно жить. Квартира его, Жорина, он собственник. Может, через суд получится разменять? Но, говорят, сейчас закон на стороне собственника и даже интересы детей не учитываются. Либо терпеть, либо... Да, Жора нас не бьет, из дома не выгоняет. Но мы словно в рабстве у него с дочерью!»

...Завуч, Инга Анатольевна, стояла возле школы, разговаривала с какой-то дамой в длинном пальто с капюшоном.

Презрев все законы вежливости, Лена закричала еще издалека:

– Добрый день, Инга Анатольевна! Я согласна! Место еще свободно?

Завуч поморгала глазами, пытаясь сообразить, о чем именно ее спрашивают, потом сказала:

– Место? Какое? Ах, вы про то... Нет, уже нашли учителя для младших классов.

– А вы учительница? – к Лене повернулась дама в пальто. – Ищете работу?

– Ищу! – нетерпеливо вздохнула Лена. – А вам есть что предложить?

– Только вряд ли согласитесь, – вдруг засомневалась дама. – Кого ни спрашиваю – все отказываются.

– Ну и что, может, как раз то, что мне требуется! – возразила Лена.

– Это далеко. Триста километров от Москвы. Там у брата моего, в поселке, ферма. Учителей не хватает, а вот школа своя есть, и даже дома свободные есть. Без особых удобств, конечно, – подумав, добавила дама. – Но жить можно!

«И работа, и жилье сразу? Но триста километров, без удобств... – с отчаянием подумала Лена. – Хотя чего я теряю? За теплую ванну готова свою бессмертную душу продать?»

– Давайте адрес, – прошептала Лена. – Я поеду.

...Женщина прибежала домой, велела дочери собираться. Пока складывали все самое необходимое в сумки-чемоданы, Лена терзалась – не губит ли она тем самым судьбу дочери и свою, не совершает ли страшную ошибку?

Всю ночь, до рассвета, мать с дочерью провели на вокзале – чтобы не встречаться с Жорой.

Утром сели на семичасовую электричку.

В одиннадцатом часу вышли на станции, рейсовым автобусом еще долго добирались до нужного поселка.

Вышли на остановке, напротив припорошенного снегом поля. С другой стороны дороги – одноэтажные домики. Холодно, как зимой уже, непривычно тихо. И солнце – яркое, слепящее... Лена с Олесей, измученные бессонной ночью, некоторое время с изумлением разглядывали окружающий их пейзаж, пока Лимонка в переноске не мяукнула.

– Хочешь, вернемся домой? К папе... – дрожащим голосом произнесла Лена.

– Нет, – сказала Олеся. – Давай посмотрим, что дальше будет?

Мама с дочкой пошли вдоль длинных заборов, искать начальство. Нашли наконец.

Хозяин фермы оказался очень вежливым, веселым мужчиной лет шестидесяти.

Он обрадовался гостям, рассказал о жизни здесь, о том, что на ферме работает уже довольно много людей, у всех дети и даже внуки («вот у меня уже своих трое!»), поэтому не хватает учителей... Лена с Олесей могут снять внаем дом, за небольшую совсем плату.

– Там старушка одна жила, наследников у нее не осталось... Ремонт, конечно, нужен серьезный. Но тепло, в доме есть газовая колонка. Туалет, правда, во дворе, но тут все так живут, привыкли!

Лена согласилась на все условия.

...Домишко и вправду оказался очень неказистым, неухоженным. Первые дни Лена с Олесей только тем и занимались, что убирались, чистили, мыли, чинили...

Жена хозяина фермы прислала новоселам занавески, сосед справа отремонтировал подтекающий кран, у соседей слева нашлась лишняя кастрюля...

Потом начались занятия в школе. Там тоже оказалось полно дел, и Олесе снова пришлось помогать матери.

Больше всего Лена с Олесей боялись диких деревенских жителей, алкашей и уголовников. Но, как оказалось, в этом поселке таковых почти не проживало. Обычные, нормальные люди. Пожалуй, ничем не хуже, а даже лучше городских. На ферме лентяев и пьяниц не держали... Верно, все зависело от хозяев фермы.

Одноклассники (а их оказалось у Олеси пять человек) новенькую и не думали обижать. Многие страхи оказались пустыми, а сложности прятались совсем не там, где предполагали приезжие мать с дочерью. Впрочем, и сложности, если сказать честно, оказались не столь уж кошмарными и непереносимыми. Например, в кране могла замерзнуть вода. А еще очень досаждали мыши, поселившиеся в подполе...

Но зато Лена теперь решала все сама.

Это было странно и непривычно – чувствовать себя хозяйкой собственной судьбы. Самой, не надеясь ни на кого, делать все. Договариваться с людьми. Спорить, доказывать. Общаться с родителями тех детей, что ходили к ней в класс. Придумывать. Ошибаться. Плакать от огорчения. Радоваться, когда все удавалось.

Эта жизнь была не лучше и не хуже той, прошлой. Но она оказалась совершенно *другой*.

Лимонка поначалу с изумлением и брезгливостью изучала новый дом, все никак не могла привыкнуть, что ей, изнеженной городской кошке, придется теперь жить в подобных, спар-

танских почти, условиях. Но потом освоилась, и однажды утром Лена с Олесей обнаружили в сенях несколько задушенных мышей. Неподдалеку с гордым видом сидела Лимонка. На мордочке у нее было словно написано: «Ну вот, видите, от меня в хозяйстве тоже очень много пользы!»

А Лена часто вспоминала Марсика. В самом деле, если бы не этот рыжий хулиган, то их с дочерью жизнь не изменилась бы, наверное. Она так и носила бы на плечах невидимые, неподъемные мешки, которые пригибали ее к самой земле.

«Что ж, будем надеяться, что в тот день, когда Жора решил выбросить котенка, Марсик не сгинул, не пропал, не погиб, а попал в хорошие руки!»

Кстати, о Жоре.

Он потом один раз звонил и требовал, чтобы ему вернули его любимый электрический чайник, который Лена не имела никаких прав забирать с собой.

* * *

По идее, Жора должен был изучить послание, которое составил для него Марс, и осознать, что: во-первых, у мужчины серьезные проблемы с Защитным полем, во-вторых, со своими домашними надо быть добрее и, в-третьих, котят тоже обижать нельзя!!!

Марс вложил в это послание весь свой гнев, возмущение, мольбы, увещевания, объяснения и пояснения. Словом, всю важную информацию, а также эмоции, переполнявшие в тот момент котенка.

Марс надеялся на то, что Жора понюхает свой ботинок (кстати, вещь, на которой составляется подобная петиция, должна принадлежать именно тому, кто вел себя недостойно) и сразу все поймет.

Но Жора повел себя очень странно, совсем не так, как ожидал Марс. И это было главной ошибкой котенка – ведь он не знал еще, что люди настолько глупы и бестолковы и не способны порой к восприятию важных сведений.

...Рано утром Жора схватил сонного, разнеженного Марса и понес его куда-то. Понес за пределы родного жилища!

Последнее, что заметил Марс, – тень пожилой женщины в коридоре, которая стоит, прижав руки к груди, и укоризненно, с сожалением качает головой. Но Жора Тени не заметил, проскользнул сквозь нее и выскочил из квартиры.

Когда хлопнула входная дверь за спиной Жоры и они оказались на лестничной площадке, Марс запаниковал и принялся отчаянно вырываться. Сколько раз, бывало, котенок сидел у входной двери и ловил носом запахи, доносящиеся снаружи сквозь щелочку, – чужие, странные и порой страшные. Лена и Олеся, когда приходили после долгого отсутствия, тоже пахли чем-то чужим и незнакомым. Словом, Марс догадывался, что там, снаружи, есть какой-то другой мир. И этот незнакомый мир его пугал. Добровольно Марс ни за что бы не решился покинуть свой родной и любимый дом.

Но тут котенка вырвали из него и потащили в неизвестность!

Пронесли по подъезду, пахнущему чужими людьми и чужими квартирами, а потом... А потом началось самое страшное.

Марс оказался в огромном мире, конца и края которому не было. Незнакомые звуки и запахи неслись со всех сторон. Марс инстинктивно замер, сжался. Вдруг Жора, который нес его в ладонях, образумится и повернет обратно?

Но Жора шел быстро, почти бежал. И чем дальше, тем быстрее таял запах родного дома...

А потом Жора кинул Марса на землю. Марс приземлился на все четыре лапы и почувствовал под собой странную поверхность, буквально всю пропитанную незнакомыми запахами. И все, все вокруг было чужим и незнакомым!

А еще ветер, пронизывающий и холодный...

Марс в ужасе замяукал. Прижался к земле, огляделся, ничего не понимая и не узнавая...

А потом понял, что и Жоры рядом нет.

Он, Марс, один в этом огромном и страшном мире.

Куда бежать, что делать? Марс не знал. Поэтому он не двигался с места и мяукал, вызывая Лимонку. А может, сейчас прибегут Олеся или Лена и спасут его?

И почему, за что все это? Только за то, что он решил откровенно пообщаться с Жорой?

Откуда-то сверху посыпались холодные белые хлопья, которые неприятно липли к шерстке. Ветер усилился. Вдалеке проносились, гудя и сверкая, огромные чудовища. Но это были неживые существа, хотя оптимизма это Марсу не добавляло. Наедет такое чудище и либо затопчет, либо сожрет своими железными челюстями.

Белые хлопья почти замели Марса. Он дрожал и уже не мяукал, вдруг осознав, что никто за ним не придет.

А потом, из-за белой пелены, вдруг вынырнул человек.

Незнакомый. Чужой. Страшный и непонятный.

Человек прошел мимо, глядя себе под ноги. И тогда из последних сил Марс мяукнул. Человек остановился. Замер. А потом обернулся и направился к замерзающему котенку. Остановился напротив. Произнес что-то по-человечьи, незлым голосом. Нестрашный совсем человек, оказывается! Марс потянулся к нему – потому что понимал, что иначе он просто погибнет, и этот прохожий – единственное его спасение. А человек протянул руки к Марсу. Поднял котенка и спрятал его у себя на груди, прикрыв лапами пальто.

Ах, это было такое невероятное счастье! Сразу стало теплее и немного спокойнее.

Марс принялся, настроился на нужную волну, пытаюсь определить, что за человек его спаситель.

Это был мужчина. Очень, очень немолодой. Страдающий, судя по всему, самыми разными болезнями. Плохо питающийся, голодающий к тому же и не имеющий возможности содержать себя в чистоте.

Защитное поле вокруг старика было совсем тонким, словно выцветшим, с многочисленными прорехами. Старик помог Марсу, а он, Марс, поможет ему.

И Марс, полный благодарности, завел свою утешительную песнь, которой научился от матери.

«Все будет хорошо, – пел Марс. – Будет много еды и тепла. Будет покой и любовь. Все хорошо. Все – хорошо...»

Собственно, Марс пел эту песнь и для себя тоже. Его Защитное поле соединилось с Защитным полем спасителя, и сейчас они были вдвоем, внутри этого поля – оба. Вместе. Уже не одни, уже не по отдельности.

...Мужчина куда-то направлялся, держа за пазухой котенка.

Потом оказался в замкнутом пространстве, спустился по ступеням, долго шел по длинному коридору.

Тут Марс осмелел слегка и высунул мордочку наружу. И увидел, что находится в большом, полутемном помещении. А вокруг – много людей. Очень много.

В основном довольно молодых и здоровых, в отличие от старика, спасшего Марса. Котенок не привык к такому большому количеству людей вокруг себя. Надо бы присмотреться сначала к ним, вдруг они такие же, как Жора? Лучше уж не привлекать к себе внимания!

...Старик опустил Марса на пол.

Марс сжался, прижал уши и даже зажмурился на всякий случай, стараясь стать незаметным.

Потом осторожно приоткрыл глаза и с ужасом обнаружил себя в центре толпы. Ой, как страшно-то... Но до конца Марс испугаться не успел, потому что увидел перед собой блюдце

с молоком. А Марс и забыл, какой он голодный, оказывается. Голод оказался сильнее страха – и Марс набросился на еду. Чьи-то руки потянулись к котенку, погладили его.

В общем, тут неплохо, в этом новом доме. Жить можно – решил Марс, энергично лакая молоко из блюдца...

Напротив, опустившись на корточки, устроилась девочка лет двенадцати, ровесница Олеси по виду. С любопытством уставилась на Марса, погладила его по голове. Но Марс ничего не ощутил, лишь легкий-легкий холодок пробежал у него между ушей. Люди вокруг почему-то не замечали эту девочку, словно ее и не было.

Марс потом, наевшись, немного поиграл с ней. Бегал следом, пытался схватить за ноги, но лапы ловили пустоту...

* * *

Он почти забыл свое имя и фамилию. Его все звали просто – Петровичем. Но старик не возмущался – Петрович так Петрович. В конце концов, он был благодарен гастарбайтерам, приютившим его в подвале обычного московского дома.

Подвал сдали в аренду приезжим работягам одна местная начальница, Анна Аркадьевна (не лично, конечно, а перепоручив все своей верной помощнице, Жутиковой). А сама Анна Аркадьевна руководила. Следила за порядком в своем квартале – нанимала и увольняла дворников, наблюдала за тем, как чистят улицы, вовремя ли сбрасывают снег с крыши. А также в ее ведении были все технические помещения в районе – подвалы и чердаки. Анна Аркадьевна считала, что она руководит не за страх, а за совесть и потому имеет полное право хоть немножко подзаработать. И себе копеечка, и дворникам есть где жить!

Собственно, работяги, в свою очередь, тоже не прочь были подзаработать. Они сдали одну койку Петровичу, безобидному и тихому старику без определенного места жительства, – всего-то за несколько сотен рублей в день.

Хотя, надо признаться, эти деньги доставались старику нелегко. Он, несмотря на возраст и нездоровье, подрабатывал – в основном сдавая стеклотару, бумагу и пластиковые банки в пункте приема утиля.

Когда-то у Петровича была собственная квартира в небольшом городке. А еще замечательная семья – жена и два сына. Работа – Петрович трудился на заводе, на благо оборонной промышленности, и очень неплохо зарабатывал. Словом, жил себе мужчина припеваючи.

До тех самых пор, пока не начались в стране перемены. Завод закрыли, работы не стало – поскольку почти все в городе на том заводе и работали. Жена умерла – проморгали они все начало страшной болезни, не взялись вовремя за лечение.

А с сыновьями вот такая история приключилась.

Дело в том, что младший оказался нежеланным ребенком в семье. Нехорошо, конечно, говорить, но и родили-то они с женой младшенького, Митю, случайно. Тоже – проморгали, не спохватились вовремя, вот и появился на свет второй сын.

Любимым и желанным был лишь старшенький, Коля. Вот в него они с женой все силы-то и вложили. Болел мальчик в детстве часто... Это ж сколько сил и денег уходило на лечение! Из-за болезней школу много пропускал – репетиторов приходилось искать, с учителями конфликтовать.

К счастью, к восемнадцати годам Коленька выздоровел, школу сумел закончить. Надо было любимое дитя от армии избавить – тем Петрович с женой и занимались. А военком, как назло, был в их городе человеком принципиальным, взятки не брал. Чего только не пришлось пережить несчастным родителям!

Но повезло. Коля, умница, сам с этой проблемой справился! Женился, и ровно через девять месяцев у него аж двое девочек-близняшек родилось! В те-то времена законы были другие, с двумя детьми в армию не брали...

Молодая семья жила в родительской квартире. Жена Петровича помогала с внуками – ну как, сразу двое малышей, это очень тяжело...

Словом, в двухкомнатной квартирке жили вшестером – Петрович с супругой, Коля с женой и двумя дочками, и младший сын. Когда младший, Митя, ушел в армию, стало чуть свободней.

Тут, кстати, и завод закрыли, весь город без работы остался. Петрович написал Мите в армию – домой не возвращайся, делать тут нечего, сами еле выживаем. Ничего, руки-ноги есть у парня, семья на шее не висит, выкарабкается.

В самом деле, а кем еще жертвовать? Не Колей же...

Митя ответил вежливо и с пониманием, что не вернется, спасибо за все, и исчез. Как-то не по себе Петровичу стало (вроде нехорошо с младшеньким поступил?), но в рефлексии некогда пускаться было – тут жена заболела. Она же с внучками день и ночь сидела, о себе забыв, – вот и проморгали болезнь. Умерла жена – да так неудачно, как раз 31 декабря. С тех пор для Петровича Новый год перестал быть праздником.

А Петровича из дома сын со снохой выжили. Не сразу, потихоньку, незаметно. Сначала летом Петрович на даче время коротал, картошку с луком выращивал, затем и на зиму ему туда посоветовали переселиться. А потом и дверь не открыли, когда Петрович в город вернулся, в самые лютые морозы, тяжело в ветхом домишке, который почти развалился, жить-то...

Петровичу так горько, так обидно стало! Ведь они с женой чуть из кожи не лезли ради Коленки, а он...

Петрович из родного города ухал, принялся по России скитаться, подобно перекаати-полю. Аж до Москвы добрался. Тут и осел. Сначала подработками занимался – то ночным сторожем, то уборщиком, где работал, там и жил, а потом, когда совсем ослабел, нашел вот это койко-место в подвале.

Побираться Петровичу совесть не позволяла. Это ж последнее дело – милостыню просить бывшему рабочему человеку...

Поэтому, когда однажды ноябрьским утром увидел старик замерзающего котенка, то сердце его дрогнуло. Ведь он сам – как тот рыжий котенок, выброшенный хозяевами.

А что котенка выбросили, Петрович не сомневался. Звереныш домашний, ухоженный, красивый, шерстка лоснится. Ошейничек вон! Сбежать этот малыш не мог, слишком мелкий он для того, чтобы в опасные приключения пускаться. Точно, выбросили. Купили живую игрушку люди, а потом поняли, что не справляются, слишком хлопотно это.

Люди нынче эгоистичными стали, только о себе думают. Говорят, что в Бога верят. Неправда! Теперь каждый сам себе Бог. На других наплевать, лишь бы себе, любимому, хорошо было. Все себе позволяют, ничего не стесняются. Что ребенка, что котенка на улицу готовы вышвырнуть, если тот мешать стал.

Его, Петровича, старший сын из дома выгнал. Поэтому он, старик, и котенок этот рыжий – два сапога пара. Родные души.

...Звереныш за пазухой перестал дрожать, отогрелся, видно. Замурчал, заурчал, завел свою котячью песню.

Петрович улыбнулся, придерживая котенка у груди. Впервые за много лет мужчина вдруг почувствовал себя счастливым.

– А я тебя не брошу. Не бойся, малой. Со мной теперь жить будешь.

...Петрович не сомневался, что гастарбайтеры, приютившие его, не будут против нового жильца. Они тоже люди, и сердце у них есть!

Так оно и получилось. Работяги к появлению котенка отнеслись нормально, даже обрадовались – ведь рыжий звереныш выглядел настолько смешным и милым, что не мог оставить равнодушным никого.

Котенку сразу блюдце с молоком подсунули, гладить его принялись... Только старший в подвале, Рустам (собственно, ему Петрович и платил за койко-место свое), сказал строго:

– Если ты хозяин этой кошка, то следи за ним! Беспорядку нельзя!

– Не беспокойся, Рустам, у меня все под контролем будет! – обещал Петрович.

Так и зажил старик вместе со своим новым другом. Котенок оказался умным, сообразительным и веселым – его все полюбили, и даже мрачный подвал преобразился, словно стал теперь настоящим домом.

Целыми днями Марс (имя на ошейнике было выбито) играл, а ночами спал у старика на груди, уютно свернувшись в клубочек. Удивительное дело, но даже сердце у Петровича болеть меньше стало и силы откуда-то появились... Он просыпался по утрам почти счастливый, улыбаясь.

Наверное, это потому, что был теперь старик не один.

И все бы хорошо, если бы однажды, перед самым Новым годом, не случилась беда. Ну кто же знал, что жильцы в доме, которые этажами выше жили, принялись жалобы писать на своих незаконных соседей, поселившихся в подвале!

Во-первых, жильцы не хотели платить за электричество, которое воровали у них гастарбайтеры. А электричества уходило на сторону много – ведь готовили себе еду приезжие на электрических плитках. Во-вторых, все запахи от этих кулинарных изысков поднимались вверх и сильно беспокоили жильцов. В-третьих, кому ж понравится, что в доме живут чужие люди...

Случилось неизбежное.

После очередной жалобы нагрянула общественность с проверкой. Хоть Рустам, предупрежденный заранее, и запер изнутри железную дверь, но ее вскрыли с помощью автогена.

В подвал ворвались люди – телевидение, инициативная группа жильцов и представители ЖЭКа – сама Анна Аркадьевна с помощницей – техником-смотрителем Жутиковой.

– Вот, смотрите, Анна Аркадьевна! – закричала женщина, возглавлявшая инициативную группу жильцов. – Тут их человек сорок, если не шестьдесят живет! Мы за этих незваных гостей платим – за воду, за электричество... А дом старый, выдержит ли проводка, трубы? Между прочим, лет десять назад уже обрушивались перекрытия, девочка одна погибла, ей всего двенадцать лет было – жить бы да жить... Бедная мать! А теперь мы все риску подвергаемся из-за этих таджиков. Вдруг замкнет все и пожар случится?!

Оператор снимал на камеру происходящее. Гастарбайтеры прятали лица, торопливо отступали в дальний угол.

– Безобразие, – с чувством произнесла Анна Аркадьевна и обернулась к Жутиковой: – Почему мне не доложили?

– Я не в курсе. Только сейчас вскрылось! За стольким в районе уследить надо... Упущение! – торопливо зачастила Жутикова. – Примем меры.

– Вопиющая антисанитария. Наверняка у этих людей даже регистрации нет! – возмущалась общественница. – Надо еще сюда ФМС вызвать! Пусть документы у этих людей проверят!

– Мы примем все меры. Виновные будут наказаны! – строго произнесла Анна Аркадьевна и опять повернулась к Жутиковой: – Объявляю вам выговор. Новогодней премии как своих ушей не увидите! В следующий раз – уволью.

– Больше не повторится! – преданно обещала Жутикова и, в свою очередь, повернулась к общественности: – Граждане, огромное вам спасибо, что поставили в известность! Я говорю, участок огромный, за всем уследить не успеваем...

Тем временем оператор повернулся к одной из раскладушек и теперь сосредоточенно снимал рыжего котенка-подростка, играющего на ней с плюшевой мышью. Котенок терзал потрепанную игрушку и азартно косился на оператора.

– Животное в подвале, видите? Лейшманиоз, лептоспироз, глисты, блохи... – мрачно вздохнула Анна Аркадьевна и повернулась к незаменимой Жутиковой: – Если в районе начнется эпидемия, то с вас первой спросят, милочка.

– Подвал подвергнем санобработке, – истово поклялась Жутикова.

...После ухода общественности и съемочной группы Жутикова, действовавшая от лица Анны Аркадьевны, призвала гастарбайтеров вести себя тише воды и ниже травы, отказаться на первое время от электрических плиток и готовки еды на них, а незаконного жильца Петровича вместе с его питомцем – немедленно выселить.

Вот так старик оказался на улице снова.

Все бы ничего – можно, например, поискать приют для бездомных, но с живностью туда не пускали...

– Эх, брат, обманул я тебя! – с горечью произнес Петрович, обращаясь к Марсу, пригревшемуся у него на груди под старым пальто. – И что ж теперь делать, ума не приложу... Не позволяет мне совесть тебя выбросить!

Старик брел по улице, разглядывая разукрашенные к Новому году витрины. Мимо бежали веселые, оживленные люди, взбудораженные близким праздником.

– Люди, возьмите котенка! – набравшись решимости, обратился к прохожим Петрович. – Хороший, ласковый, место свое знает. Сроду никого не царапал и не кусал, только играясь если... Возьмите, он счастье приносит!

– Ой, правда, какой хорошенький! – к старику подбежали две девушки. – Рыженький... Дедушка, вот сто рублей, больше у нас нет.

– Не надо мне ваших денег, – с досадой сказал Петрович. – Я хочу зверя в хорошие руки пристроить, не милостыню прошу. Возьмите!

– Нет-нет, мы не можем! – замахали руками девицы, засмеялись и убежали.

Петрович, не теряя надежды, принялся рекламировать Марсика другим прохожим.

И что получалось – все котенком восхищались, совали деньги, но брать зверя к себе отказывались.

Уже вечер приближался, похолодало. Надо было идти дальше, приют искать, а как это сделать с Марсиком на руках?

Петрович остановился у зоомагазина. Там, за стеклами, в клетке, весело прыгал попугай. «А что, это мысль. Попробую Марса сюда сдать!» Старик толкнул дверь – но та оказалась запертой. На стекле висело объявление – «30 декабря магазин работает до 18–00».

– Вот незадача... – Петрович сел на подоконник, чтобы передохнуть, подумать.

И тут к магазину подбежала дама средних лет – хорошо одетая, пахнувшая дорогими духами, с лицом веселым и оживленным. Тоже подергала дверь, с досадой топнула ногой в замшевом сапожке:

– Закрыто... Что за люди, лишь бы не работать!

Тут Марсик высунул из-за пазухи голову, посмотрел на даму и сказал вопросительно, громко:

– Мяу?

Он вообще зверь был говорливый, склонный к долгим беседам. Его спрашиваешь – он отвечает, по-своему, конечно... За что Петрович особо своего рыжего друга уважал – ведь и поговорить с тем можно.

– Какая прелесть! – восхитилась дама. – Сколько?

– Что «сколько»? – удивился старик.

– Сколько стоит, говорю?

«Гм. Если Марса даром никто не брал, то, может, за деньги – купят?»

– Дорого беру, – подумав, изрек Петрович.

– Что за люди... Ведь это не ваш кот, а, поди, ворованный! – опять топнула ножкой бойкая дамочка. – Знаю я вас, проходимцев. Утащат, что плохо лежит, а потом торгуют себе на бутылку. У-ти пусечка моя, какая хорошенькая, мимимишечка рыженькая... Хозяева, наверное, ее по всему району ищут, с ног сбились, слезы льют.

– Это он. Мужик то есть. Марсом зовут. Вон, на ошейнике написано.

– Ошейник, да еще дорогой на вид... Конечно, украли животное!

– Десять тысяч, – сказал старик, чтобы уж наверняка посадить даму на крючок.

– Десять?! Да вы с ума сошли! Я в гости опаздываю, мне подарок нужен. А хозяйка еще накануне намекнула, что хочет либо йорка, либо мейн-куна, либо... ой, забыла. Ах, да, британца. Это ведь британец?

– А пес его знает! – пожал плечами старик, сроду этих слов не слышавший.

– Конечно, откуда вам знать... Я вот сейчас полицию позову, тогда все узнаете!

«Клюет!» – обрадовался Петрович. Не деньгам обрадовался, а тому, что дама всерьез нацелилась Марсика купить. И произнес осторожно:

– Ладно, давайте пять.

Дамы нахмурилась. Еще раз подергала дверь, потом посмотрела на часы. Смешная какая... Наконец буркнула, сдаваясь:

– Пять так пять.

– Сговорились, – Петрович не без душевного сожаления передал Марсика даме. – Прощай, друг... Вы это, дамочка, берегите его!

– Да я не себе, я подруге кота покупаю! – отмахнулась дама, убегая прочь, в сияющий новогодними огнями сумрак.

«Вот ведь хитрюга, – подумал Петрович. – Сэкономила. Ведь известно ж, сколько тыщ настоящие, породистые животинки стоят... Ну и хорошо. Теперь хоть душа за Марсика болеть не будет! Не придется ему на улице жить...»

Дамы не показалась ему злодейкой бесчувственной. Наоборот, живая и веселая, азартная. Поторговаться явно любит, но слово держит. Наверное, и подруга у нее такая же...

Как ни странно, но именно в этот момент, расставшись с Марсиком, Петрович вдруг вспомнил о младшем сыне, о Мите, которого не видел уже лет двадцать и не знал ничего о нем. Обычно старик вспоминал о старшем, о том, как Коля подло и жестоко обошелся с родным отцом. Еще вспоминал о жене, о доме в другом, далеком городе, о прежней счастливой и спокойной жизни... Нет, о Мите Петрович тоже вспоминал – но больше мельком, не задумываясь. «А ведь я его тоже из дому выгнал, на улицу, если честно к этому вопросу подойти, – в первый раз пришла в голову старику мысль. – И сам теперь без дома оказался. Так что все по справедливости получилось. Как там раньше-то говорили – мне отмщение, и аз воздам...»

Именно эта, самая простая и естественная мысль ни разу не приходила в голову старику. Почему? Загадка! А вот подумал, понял – и прямо не по себе ему стало... «Виноват ведь я перед Митей. Виноват и по преступлению наказание свое несу! Так мне и надо!»

Весь в расстроенных чувствах, Петрович хотел скомкать пятитысячную купюру и выбросить ее, но потом опомнился. На эти же деньги сколько дней еще жить можно, если разумно к делу подойти!

– А зачем мне такая жизнь... – сам себе с горечью возразил старик. Но потом новая идея пришла ему в голову. Раз судьба послала ему такую крупную сумму, то грех ее не использовать со смыслом. Например, можно пойти на автовокзал, купить билет – самый дешевый – и поехать в родной город. Часов пятнадцать всего на автобусе... Может, Коля еще ждет отца! Может, и Митю получится найти и попросить у него прощения... Столько дел еще не сделано, оказывается!

...Как ни странно, все у Петровича получилось. Подоспел к отправлению автобуса, и денег как раз хватило – поскольку рейс был, что называется, «левый». Публика соответственно – самая простая, так что Петрович не чувствовал себя во время поездки изгоем.

31 декабря, около 12 часов дня, старик оказался в своем родном городе, который покинул много лет назад. Не без волнения Петрович шел по знакомой, центральной улице, ведущей от автовокзала к дому. Многое изменилось – построили новые дома, открыли торговый центр, появились пешеходные переходы... «А что, налаживается жизнь!»

Вот и тот самый дом. Родной дом.

Петрович зашел внутрь, поднялся на свой этаж. Нажал на кнопку звонка. Дверь открыла незнакомая женщина.

– Вам кого, дедушка? – строго спросила она.

– Мне бы Колю. Коля дома?

– Коля? Тут такие не живут. Ошиблись! – женщина хотела закрыть дверь.

– А Нина? А Риточка с Валечкой?

– Минутку. Вы о тех жильцах, что раньше здесь были прописаны? Они уехали.

– Куда? Адрес не дадите? – с надеждой спросил Петрович.

– А-а-адрес? – протянула женщина. – Нет, не дам. Я его и не знаю. Они ведь все в Канаду уехали. За лучшей жизнью, – с усмешкой произнесла женщина и захлопнула перед ошеломленным Петровичем дверь.

– Стойте, стойте... А Митя? Может быть, вы про Митю что-нибудь знаете? – опомнившись, с отчаянием закричал Петрович, барабанив в дверь.

Несколько секунд за дверью была тишина, потом щелкнул замок и дверь снова открылась. Женщина сунула Петровичу сторублевую бумажку:

– Вот. Больше не дам. И не буяньте тут, а то полицию вызову. Не знаю я, где ваш Митя. Я ничего не знаю. Я совершенно посторонний человек, к вашим знакомым не имею никакого отношения.

И опять захлопнула дверь. Петрович, окончательно сбитый с толку, спустился по лестнице, вышел во двор.

«В Канаду уехали... Ну да, а что такого? Коля всегда хотел лучшей жизни. Мы ему с Галкой твердили – ты у нас особенный, ты достоин лучшего!»

И тут Петрович вспомнил, что сегодня 31 декабря. Тот самый день... «Что же, не зря я сюда приехал!»

...К счастью, кладбище никуда не исчезло. Только разрослось сильно. Старик с трудом нашел знакомый участок, родную для него могилку. Не стряхивая снега, сел на деревянную лавку, задумался. «А вот не пойду больше никуда. Останусь здесь! Навсегда».

Сколько прошло времени, Петрович не знал. Час, два? Серое небо на западе постепенно розовело – это из-за плотной пелены облаков выплывало заходящее солнце. Холода не чувствовалось. Только спать сильно хотелось.

Хруст снега неподалеку. Незнакомый голос:

– Эй, товарищ... Ты что тут делаешь?

Петрович приоткрыл глаза – напротив, за оградой, стоял мужчина лет сорока, с военной выправкой, плотный, в добротной куртке-«аляске», из-под капюшона было видно суровое, румяное – в тон заходящему солнцу – лицо.

Петровичу этот человек был совершенно не знаком.

Но мужчина в «аляске» вдруг заволновался, сделал шаг вперед, всмотрелся. И произнес с удивлением:

– Папа?... Папа, ты? Папа, это я, Митя. Ты меня помнишь?..

* * *

– Марсик, нельзя! – с ужасом закричала Светлана. И принялась полотенцем отгонять котенка от новогодней елки. Этот рыжий безобразник был в полном восторге от мишуры – тянул разноцветные гирлянды лапами, грыз провода (к счастью, не удалось ему их перегрызть!). А вчера вечером, кстати, Марса уже стошнило на ковер серебристым «дождем».

Котенок отпрыгнул в сторону и принялся охотиться на помпоны из страусиных перьев, украшавшие домашние тапочки Светланы.

– Марсик, нет!

...Тапочки, между прочим, были куплены в ЦУМе. Хотя и со скидкой в 50 процентов, но совсем недешевые. От известного итальянского дома моды. Даже дома, даже в мелочах – важен стиль. Пусть это и домашние тапочки, но они – на шпильке, из синего бархата, украшены натуральными перьями. Эти тапочки идеально подходили к домашнему платью Светланы из переливчато-синего бархата, с рисунком под «леопарда». Платье, кстати, было привезено в прошлом году с распродажи в Милане, куда Светлана ездила с Люсей. Прекрасное время. Забыв обо всем на свете, подруги бегали по магазинам и покупали, покупали... Светлану с Люсей начальница отправила в командировку по обмену опытом.

Потом, правда, уволила, когда на подружек донесла третья командировочная, старая дева Мурашова. Гореть ей в аду, этой Мурашовой! Теперь Светлана работает секретарем на ресепшене, выдает пропуска и отвечает на телефонные звонки – скука! А вот Люся устроилась неплохо – продавцом элитной косметики...

Кстати, рыжего хулигана подарила именно Люся. Котенок, конечно, красивый, шикарно выглядит – рыжий, нет, даже оранжево-рыжий, огненный мех, глаза изумрудного цвета, но кто же знал, что от животного столько беспокойства!

Светлана давно мечтала о домашнем питомце. Котике или маленькой псинке. Та же бывшая начальница укоряла – тридцать лет, а ни котенка, ни ребенка... Конечно, не стоило прислушиваться к словам глупой тетки, но... Порой ведь и дураки говорят умные вещи?

В самом деле, девушке жить одной, совсем одной (ну ладно там без мужа, бойфренда, но даже без живого существа рядом) как-то странно.словно Светлана – совсем уж холодная, неживучая особа, не способная никого любить. Ленивая эгоистка.

А это неправда. Светлана была живой, доброй, впечатлительной девушкой, и замуж она не прочь. Проблема заключалась в том, что нормальных мужчин, с которыми хотелось бы связать свою жизнь, вокруг не наблюдалось. Нет, с нею часто знакомились, но дальше одного-двух свиданий дело не двигалось. Наваждение какое-то! Впрочем, девушка не переживала: тридцать лет – не приговор, еще все впереди.

...Осенью она случайно познакомилась в Интернете с иностранцем. Наполовину француз, наполовину русский, жил в Париже. Сначала просто болтали на одном форуме, как друзья, потом Жан стал рассыпаться в комплиментах. Признался, что ему не интересны расчетливые и суховатые француженки, что он ищет родственную душу, человека, с кем можно поговорить, женщину романтическую и тонкую, веселую и азартную.

Слово за слово – начался виртуальный роман.

Жана эта любовная переписка распалила настолько, что он не выдержал и заявил – лечу на встречу со своей судьбой! Он сообщил Светлане, что прибудет в Россию девятого января.

Поселится в гостинице, а в первый раз они со Светланой встретятся на нейтральной территории, в каком-нибудь ресторане. И, главное, пока никаких обещаний, надежд, планов! Просто встретятся, посмотрят друг на друга – а там видно будет.

Конечно, француз деликатничал, боялся спугнуть девушку своим напором... А еще, возможно, побаивался, что виртуальная знакомая в реальности окажется, например, дурнушкой.

Он, конечно, ни слова о том не сказал, но Светлана догадывалась – поскольку сама опасалась чего-то подобного.

Словом, обоим было и боязно, и интересно планировать будущую встречу!

Что касается Светланы, то она точно знала, что уж она-то Жана не разочарует.

Надо только подготовиться соответственно, прихорошиться, одеться...

Нарядов у Светланы, слава богу, было много. Три шкафа – один, в коридоре – с верхней одеждой и два шкафа в комнате – с летней и зимней. Брюки, юбки, блузки, водолазки, маечки, свитера, топы, строго распределенные по комплектам, отдельно висящие костюмы – офисные и спортивные... Коробок с обувью на все случаи жизни – от пола до потолка, все подписаны и пронумерованы, с подробнейшими инструкциями – что с чем носить. Сумки – по цветам, сезонам, погоде и настроению. Хоть в пир, хоть в мир, хоть на премьеру в Большом, хоть на деревню к бабушке, картошку копать.

Итак, Светлана принялась перебирать одежду, но вдруг с ужасом обнаружила: при всем богатстве выбора наряда для свидания с Жаном – не было! То есть полно всяких романтичных блузочек, игривых юбочек и изящных платьиц, способных очаровать на первом свидании мужчину отечественного разлива, но – нет наряда, пригодного именно для встречи с Жаном. То есть ничего нет для свидания с иностранцем, приехавшим в снежную Россию специально ради прекрасной незнакомки...

Несколько минут отчаяния испытала Светлана, стоя над ворохом вываленной прямо на пол одежды... А потом ощутила азарт и необыкновенный подъем.

Она решит эту проблему и не просто поразит Жана своей красотой, она буквально сразит заморского гостя!

Был разработан план на основе статей в Интернете о последних тенденциях моды, касаемых одежды, макияжа, причесок, цвета волос и образа жизни.

Во-первых, надо срочно перекраситься в шатенку. Русые волосы – хорошо, но банально. Волосы надо еще выпрямить, колорировать и ламинировать.

Во-вторых, надо платье. Именно платье! Цветом – не яркое, не вызывающее, но и не черное. Не пошлое розовое, но и не утомительно-голубое. Серый? Нет, серый скучен. Желтый слишком экстравагантен, зеленый – чересчур на любителя, красный – вообще не обсуждается. А вот синий, оттенок индиго, чуть сизоватый – да, самое оно... Как раз под цвет волос. Платье до колен, по нашим грязным зимам в макси не походишь. Соответственно, в-третьих, нужны высокие сапоги, но, упаси бог, не пошлые ботфорты, а нечто изящное и скромное...

Словом, образ должен быть женственным и утонченным, но ни в коем случае не слащавым, не агрессивным.

Да! И, в-четвертых, надо завести домашнее животное, какое-нибудь мелкое и удобное в обращении. Бывшая начальница права – девушка с кошечкой или собачкой выглядит нежнее и трепетней. Трогательней и беззащитней. Любовь к животным, безусловно, украшает, играет на имидж. Да и вообще, наверное, самой веселее жить будет с пушистым комочком рядом!

Поиском этого самого пушистого комочка Светлана озаботила Люсю, а сама принялась охотиться за волшебным платьем...

Люся сработала оперативно – Новый год Светлана встречала уже с котенком, месяцев четырех, наверное, и довольно породистым. На вид. Документы у зверя отсутствовали, но какая разница, как будто документам в наше время можно верить!

Забавный, милый, очень игривый котенок с изумительными зелеными глазищами, по кличке Марсик – это имя было выгравировано у него на ремешке.

Правда, особо возиться с Марсиком было пока некогда – до приезда Жана оставалось несколько дней. А надо было еще столько сделать, столько купить! С одной стороны – хорошо, как раз наступило время скидок, а у всех людей – каникулы, можно хоть с утра до ночи по

торговым центрам ходить. С другой стороны, в новогодние праздники практически все магазины и салоны красоты не работали... А потом опять выходные, связанные уже с Рождеством! Словом, на подготовку ко встрече с Жаном оставалось буквально дня три-четыре.

* * *

Марс чрезвычайно не любил перемены. Только привык к одному месту, к одним людям, и вдруг – бац! – опять непонятные перемещения.

Но делать нечего, надо приспосабливаться.

...Сейчас Марс оказался в компании с молодой одинокой дамой по имени Светлана. И возраст, и семейные связи людей Марс уже умел угадывать с первого раза, равно как характеры тех, кто жил с ним рядом.

Так вот, новая хозяйка оказалась женщиной доброй, правда, уделяла котенку мало внимания. Уж он и висел на шторах, стараясь ее развеселить, и лез к ней на колени, и ловил ее за ноги, и выпрыгивал из-за угла, и ночью ложился рядом, чтобы спеть свою Волшебную песню – и все никак.

Светлана была рядом, но – словно одна.

При этом ее Защитное поле сияло ровным золотистым блеском, и ни единой прорехи в нем не замечалось. Удивительно – но Марс еще не встречал в своей жизни у людей столь крепкого и сильного Защитного поля, как у Светланы.

У всех, кого знал Марс, поле виделось либо истонченным, либо с прорехами, более или менее явными. Поэтому своей Великой задачей котенок считал – помогать людям, лечить их Защитное поле, латать прорехи и соединять с Защитными полями других людей – ведь чем больше людей собралось внутри одного поля, тем крепче оно.

Но случай со Светланой казался Марсу загадкой. Ее Защитное поле не соединялось с Защитным полем Марса, ну никак.

Правда, если вспомнить, с чем-то подобным Марс уже сталкивался. Жора! Жора, один из первых людей, с которыми свела котенка жизнь. Жора тоже не желал ни с кем объединяться – ни с Марсом, ни с Олесей, ни с Леной... Хотя у Жоры была огромная прореха в этом самом поле, сквозь которую уходили все его силы и здоровье.

Жора мучился, страдал, но отвергал всех окружающих.

Но Светлана, в отличие от Жоры, не страдала. От нее исходили волны добра и спокойствия, уверенности и оптимизма. Нет, в данный момент ее что-то беспокоило, она волновалась, но, в сущности, ничего опасного, как подсказывал Марсу его опыт. Такого не бывает, чтобы люди *совсем* не переживали. Так почему же Светлана отвергала Марса? Жила рядом, но не с ним, а словно в стороне?

Котенку, привыкшему находиться в центре внимания, переносить такое безразличие было невыносимо. И он решил, что, наверное, не все еще умеет в этой жизни. И надо найти подход к своей новой хозяйке – пусть не сразу. А постепенно. Они же теперь вместе, они могут стать еще счастливее!

И он решил наблюдать за Светланой. Возможно, ей удастся создавать Защитные поля с другими людьми? Нет, скоро понял Марс. В дом приходила другая женщина, Люся – та самая, которая и принесла котенка сюда, вероятно, подруга Светланы, поскольку между ними никакими родственными связями и не пахло. Они сидели рядом, эти две женщины, говорили о чем-то, но их Защитные поля – не соединялись никак. Люся вроде и тянулась, и была готова соединиться. Но поле Светланы сияло ровно и ярко и отталкивало поле Люси.

Если уж на то пошло, то Марс скорее бы согласился жить у Люси. Вот Люся и возилась с ним, и гладила, и тискала, и с наслаждением слушала Волшебную песню, которую ей заводил Марс, и любовалась котенком, когда он играл перед ней...

Марс ужасно радовался, когда в дом приходила Люся!

А потом он вот что заметил, странное. Когда Светлана прикасалась к одежде (а люди без одежды не могли, это Марс тоже уже понял, шерсть-то у них, бедняг, совсем не росла!), то одежда словно искорками начинала поблескивать.

Получается, новая хозяйка Марса пыталась объединить свое Защитное поле с... одеждой? Не с другими людьми, не с живыми существами вроде Марса, а с неодушевленным предметом, вещью?

Значило ли это, что бедняжка Светлана сильно мерзла и потому полностью зависела от одежды? Но не проще ли тогда залезть в шкаф и сидеть там, в тепле, среди всех этих платьев и брюк, словно в уютной норке?

Но нет, и это не складывалось. Светлана в шкафу и не думала сидеть, доставала из его недр всего несколько тряпочек и натягивала их на себя. И, что самое обидное, Марса-то она в свои шкафы не пускала! А так приятно – спрятаться в шкафу... Марс обожал шкафы, ящики, коробки, диванные щели – словом, все эти места, куда можно было протиснуться и там затаиться.

Когда Марс пытался в очередной раз лапой открыть шкаф, то Светлана хлестнула его полотенцем. Не больно, но обидно. Вообще она частенько себе это позволяла...

Может, стоило ей написать письмо? Но Марс все еще помнил историю с Жорой. Оказывается, кошачьи послания не всем нравятся! Да и к тому же Светлана и обувь свою прятала по коробкам и шкафчикам – просто так письмо ей и не напишешь. Не на чем.

Однажды Светлана прибежала домой, буквально светясь от счастья. И достала из сумки очередную одежду. Новую. Ну тряпка тряпкой, висела до того не пойми где, и пахла эта тряпка не пойми чем – принюхался издали Марс. Чужая, еще не ставшая родной вещь. Честно говоря, котенок не понял эйфории, в которой находилась Светлана.

Защитное поле вокруг хозяйки переливалось искрами, втягивая в свое пространство новое платье.

И Марса это очень обидело. Получается, Светлане какая-то тряпка дороже всего? Дороже его, такого необыкновенного и милого рыжего котенка? И из-за этого платья она не обращала на него внимания?! А ведь он, именно он должен быть главным в доме, центром всеобщей любви!

Марс ходил, дулся, тряс недовольно хвостом. Он ревновал...

А Светлана все прыгала перед зеркалом в новом платье. Марс отправился на кухню, нехотя принялся лакать воду из подтекающего крана.

Потом услышал, как хлопнула входная дверь. Опять ушла...

Расстроенный и недовольный, Марс поплелся в комнату.

Вошел и опешил. Платье – вот оно, лежало на самом видном месте, на диване. Вероятно, Светлана забыла спрятать его в шкаф.

Марса всего так и передернуло. Он издал боевой клич и с разбегу запрыгнул на диван. Жадно обнюхал платье.

Запахи раскрывались один за другим, от последнего к первому – поэтому историю передвижения платья можно было легко проследить. Пахло бумажным пакетом и улицей. Потом каким-то большим закрытым помещением, в котором к платью прикасалось множество людей, в основном женщины – их судьбы и истории читались крошечными яркими вкраплениями. Затем запахло подвалом – очень знакомый запах, точно так же пахло в том месте, где Марс жил с Петровичем. Отпечатки рук какой-то женщины – она теребила ткань в руках, выворачивала ее, соединяла детали при помощи стрекочущей железной машинки (а, ну понятно, давно-давно Марс видел подобную машинку у Лены, одной из первых хозяек). Именно так люди создавали себе одежду. Шили. Кстати, та женщина, что шила платье Светлане, сильно болела. Что-то с желудком – вот он, едва различимый, тонкий-тонкий оттенок запаха, связанный с печенью, с

резким спиртовым запахом... А, это тоже понятно – люди любят есть и пить всякую дрянь, которую не в состоянии их организм переварить! Какие-то самоубийцы, честное слово.

Марс фыркнул. Потрогал платье лапой. Что в нем особенного, почему Светлана так любит эту вещь, что за тайна такая? Он пожевал ткань. Потом перекувырнулся на платье, поелозил. Принялся тянуть ткань коготками – а вдруг там, изнутри, спрятан еще один, новый запах, который и станет отгадкой?

Словом, Марс исследовал платье Светланы по полной программе.

Но ничего особенного не нашел. Это чрезвычайно расстроило котенка. Он отправился в коридор и занялся тем, что всегда его успокаивало и отвлекало.

Там, в коридоре, были очень интересные стены, вернее – обои на них, по которым легко карабкаться вверх. Марс вообще очень любил поверхности, позволяющие лазить вверх. Это каждый раз – испытание, азарт. Доберешься до потолка или нет? А там, на высоте, и страшно и приятно смотреть вниз и гордиться собой, таким ловким и бесстрашным...

* * *

В салоне работала Ирочка, одна из лучших мастериц. Пока она приводила волосы клиентки в порядок, Светлана болтала. Рассказала парикмахерше о Жане, о свидании, которое состоится как раз завтра, о поисках нужного образа...

Ирочка ахала и, щелкая ножницами, иногда успевала втиснуть пару фраз в монолог Светланы:

– ...И правильно, что мы вам цвет волос поменяли. Сейчас еще кончики чуть-чуть подравняю. Да, а сапоги где искали? На Киевской, в том большом торговом центре? А платье какого цвета? И где? На Тверской? И в каком магазине? Ой, там, наверное, дико дорого! Хотя да, если со скидкой... Да, да, оно того стоило. И уж лучше в фирменном магазине, да!

Светлана вышла из парикмахерской довольная, взволнованная. Она еще никогда не испытывала подобного умиротворения. Но сейчас, кажется, девушка выглядела идеально. Цвет волос, их длина, блеск и форма... Надо дома еще раз примерить платье, чтобы убедиться в том, что образ ее стал законченным, совершенным.

...Вошла в квартиру.

Марс бросился ей под ноги.

– Кыш, не до тебя... – отмахнулась Светлана. – Дай хоть раздеться!

Она спрятала свои сапожки в специальный шкафчик для обуви, а дубленку – в отдельно стоящий шифоньер для верхней одежды. Уж до всего этого богатства Марс не доберется, точно.

Подняла голову, заметила обои в лохмотьях. Кажется, лохмотьев стало гораздо больше. И настроение ее немного испортилось. Этот паршивец опять по стенам лазил! Вот так один раз по стенам ползает, другой – и хоть заново ремонт делай. Ну кто же знал, что от котенка будет столько убытка... Может, съездить к ветеринару и удалить Марсу когти? Это, пожалуй, дешевле, чем ремонт! Всего не предугадаешь, заведя домашнее животное.

Светлана зашла в комнату, огляделась – ну хоть тут обои не пострадали... А это что там, на полу, какая-то тряпка, что ли?

Сердце у девушки екнуло. Полная тревоги, она нагнулась, подняла с пола... свое платье, добытое с таким трудом.

Куча магазинов, бездна времени, проведенного в примерочных... Цвет индиго, нужный размер, подходящая длина, адекватная цена, не молодежный и не бабский фасон, тонкая грань между здравым смыслом и романтизмом, не кричащее, но полное намеков... Как раз для первого свидания...

Ее *идеальное* платье.

Теперь оно было полностью погублено. Затяжки, дыры, шерсть, какие-то пятна. Кот его грыз, что ли?

– Вот гад... – обреченно прошептала Светлана. – И я тоже дура. Ну вот так всегда!

Она ведь тоже была виновата в произошедшем. Всего, конечно, предугадать не смогла, заведя в доме котенка, но уж о своих вещах помнила всегда, прятала их, что одежду, что обувь... А тут вдруг забыла. О главном забыла – спрятать свое идеальное платье. Наваждение.

И ведь ничего не объяснишь этому рыжему паршивцу. Наказать? Как?

– Усыплю. Вот сейчас поеду в ветеринарную клинику и усыплю тебя! – едва сдерживая рыдания, сказала Светлана. – Марсик. Иди сюда, кому сказала? Кис-кис-кис!

Но котенок, словно почувствовав угрозу, со всех ног улепетывал от хозяйки. Пока Светлана гонялась за ним, то окончательно ожесточилась сердцем. Она решила избавиться от Марса.

Усыпить, убить. Но усыпить его – как-то слишком просто. Он ничего не почувствует, не поймет. А разве это наказание? Светлане непременно хотелось отомстить. Она страдает, пусть страдает и этот рыжий негодяй. Отдать его кому-то, например, Люсе? О, это не месть, это благо для Марса, а надо, чтобы он непременно страдал.

Поэтому – не проще ли выгнать кота на улицу? С одной стороны, Светлана не будет чувствовать себя жестокосердной преступницей, убийцей, с другой – Марс понесет наказание по заслугам.

– Кис-кис-кис... Ага, попался! – Светлана схватила Марса за шкирку и одним движением затолкала его в «переноску».

Оделась снова, выскочила на улицу.

Пробежала пару кварталов, потом увидела гаражи, свернула за них. Никого вокруг. Тихо, темно, лишь одинокий фонарь горит на том конце пустыря... Светлана открыла дверцу у переноски, вытряхнула Марс на снег. Топнула ногой и крикнула:

– Кыш!..

Отбросила «переноску» в сторону. И больше – никаких животных в доме! Это все Люська, авантюристка, виновата, подарила рыжего бандита!

...С Жаном Светлана так и не встретилась. История с испорченным платьем буквально ее подкосила. Да, в шкафах у девушки хранилось еще много замечательной одежды, она вполне могла себе подобрать нужный комплект для свидания... но что с того? Настроение у Светланы было ужасное – словно кто из родных умер, ни до чего...

Вместо себя она отправила на встречу с Жаном Люсю и поручила подруге придумать какую-нибудь правдоподобную историю – почему сама не смогла прийти...

* * *

– Платоша, не уходи далеко. Минут через десять поедем...

– Ага, – сказал Платон и, засунув руки в карманы куртки, вприпрыжку побежал вдоль гаражей. Отец с матерью в это время складывали вещи в багажник машины.

...В соседнем ряду женщина прогревала двигатель у внедорожника. Рядом бродил мальчик лет десяти-одиннадцати (примерно возраста Платона), в оранжевом комбинезоне, старательно оставляя за собой борозды в снегу.

– Привет. Я Платон. А ты кто? – Платон снял перчатку, протянул руку незнакомцу в оранжевом.

– Руслан, – тот охотно пожал протянутую руку. Кивнул на женщину, с задумчивым видом сидящую во внедорожнике. – Это моя мама.

– А вон мои!

– Куда едете? – спросил Руслан.

- Мы? В аэропорт. Швейцария, горные лыжи, сноуборд и все такое.
- Везет, – шмыгнул носом Руслан. – А мы с матерью в «Ашан». Три часа кошмара...
- Они, не сговариваясь, зашагали рядом.
- Гляди! Вон там, между гаражей.
- Кошара... Рыжий такой!
- Снежком добросишь?
- Не фиг делать.
- А ты с той стороны бросай.

Снежки полетели с обеих сторон, стремительно и почти без остановки.

Рыжий котенок-подросток заметался в замкнутом пространстве, не зная, куда ему бежать. Сзади возвышалась стена, с обеих сторон – стены гаражей, а снаружи стояли мальчишки.

- Попал!
- И я попал!
- Кто больше попадет, тот победил.

Бац, бац, бац! Несколько снежков подряд попали в животное. Рыжий котенок метался из угла в угол и истошно мяукал...

– Платон, ты где? Опаздываем. Плато-он!

– Руслан! Руслан, пора ехать... – звали родители мальчиков, но те ничего не слышали и не замечали, с азартом забрасывая котенка снежками.

Не заметили и того, что позади их встала женщина неопределенного возраста, в сером потрепанном пуховике, голова замотана в платок, в валенках...

Несколько секунд женщина с ужасом наблюдала за происходящим, потом пришла в себя и закричала:

– Да что же вы делаете, звери! Руки бы вам оторвать...

Мальчишки враз опомнились. Оглянулись, а женщина продолжала громко кричать на них.

В этот момент прибежали и родители обоих мальчишек и с ходу, не разобравшись, принялись кричать уже на женщину – как смеет та оскорблять их детей?!

– Да вы посмотрите, что они делают, живодеры!

– А ты кто такая, что тебе надо? Чокнутая, оборванка, сама на детей напала!

Шум, гам. Прибежали еще люди (выходной, кто погулять вышел, кто тоже в поездку на машине собрался, кто просто мимо шел), и скоро толпа на небольшом пятачке между гаражами разделилась на две равные половины – одни поддерживали родителей мальчиков, другие – женщину в сером пуховике, защитницу животных.

– Буржуи совсем обнаглели... Откуда у вас деньги на гаражи? Я вот свой «жигуль» возле помойки ставлю!

– Пить надо меньше, вот и деньги будут!

Скандал медленно, но верно клонился к драке.

О женщине в пуховике уже все забыли. Она же наклонилась, протянула руку и позвала:

– Кис-кис-кис... Бедный ты мой, хороший. Иди сюда.

Рыжий котенок, жалобно мяукая, осторожно шагнул к ней навстречу. Потом еще шагнул. Женщина подхватила котенка на руки, прижала к себе.

– Милый ты мой, несчастный. Досталось тебе. Но ничего, я тебя в обиду не дам.

* * *

...Эту ночь Марс провел под машиной, дрожа от холода. Но утром пришел человек, сел внутрь, огромная груда железа зарычала, затряслась вся... В ужасе Марс бросился прочь, протиснулся сквозь какую-то щель, свернул за угол и... оказался в ловушке.

Машина – та, под которой прятался Марс, только что уехала. А зато напротив, преградив пути к отступлению, стояли двое людей. Молодые, дети совсем, мужского пола. В сущности, если сравнивать кошачий возраст с человеческим, то мальчишки были ровесниками Марса. И в мальчишках горел азарт охотников. Азарт преследователей. От них буквально волны шли: «Догнать! Поймать! Не отпускать!»

Марс, уже обладавший кое-каким опытом жизни с людьми, замер. Он, сам прирожденный охотник и любитель азартных догонялок, понимал, что стать объектом охоты – не очень хорошо... Но – насколько нехорошо?

И в тот же момент ощутил на своей шкуре, насколько. Удар, обжигающий холодом и болью, резкий, сильный... Еще удар! Марс метался из стороны в сторону в замкнутом пространстве, пытался подпрыгнуть, увернуться.

Страх. Отчаяние. Боль.

Мальчишки забрасывали Марса ледяными комьями, и было ясно – эти двое не остановятся, им нравится то, что они делают. По-хорошему, надо было броситься вперед, проскользнуть между мальчишками и удрать куда подальше. Но Марс почувствовал, что упустил момент, боль от многочисленных попаданий ослабила его. Они, эти двое, все равно его поймут, не дадут проскользнуть мимо.

Марс уже не знал, к чему готовиться и что делать, но внезапно пытка прекратилась, ледяные камни уже не летели в него.

Зато в проходе между гаражами появился еще один человек. Женщина, и немолодая. Она закричала на мальчишек. А еще через несколько мгновений появились другие люди. Они все вдруг тоже принялись кричать и спорить между собой, и от всех них исходили волны раздражения.

Чего еще ждать от этих странных людей?

Дрожа и поджимая лапы, Марс медлил, выжидая. Потом та самая женщина, которая кричала на мальчишек, позвала Марса.

Она звала именно его, именно к нему обращалась. И от нее уже исходили волны добра в сторону котенка. Получается, именно она спасла Марса от пытки.

К ней. Наверное, надо к ней?

И Марс сделал один неуверенный шаг. Потом еще... Он шагнул прямо в руки к женщине. Та подняла его, спрятала у себя на груди, под теплым пальто... Совсем как Петрович когда-то! Вот есть же на свете хорошие люди, есть!

Избитый, насквозь промерзший, Марс ощутил к этой женщине невиданное чувство благодарности и любви.

Чуть отогревшись, успокоившись, он завел для этой женщины свою благодарную Волшебную песню. Кстати – от женщины пахло кошками. Она вся была пропитана этим запахом, словно тысяча кошек побывала у нее на руках... Может, это Великая Кошачья Мать была?

Да и куда новая хозяйка несла его? В свой дом?

Если так, то, наверное, это должен быть замечательный дом. В котором Марсу будет тепло, хорошо и сытно. Из этого дома рыжего котенка уж точно не выкинут обратно на улицу!

* * *

По узкой московской улочке, между домами, барахтаясь в снегу, который забыл вовремя убрать дворник из ближнего зарубежья, едва тащилась хорошенькая малолитражка зеленого цвета, больше напоминающая карамельку, нежели машину.

В малолитражке рядом с водителем сидела женщина неопределенного возраста. Длинные белые локоны были продуманно разбросаны поверх норкового полушубка, лицо – смуглое от солярия, губы – ярко-розовые, а еще накладные ресницы козырьком, отбрасывающие тень на половину лица, и в ушах, несмотря на ранний час, роскошные бриллиантовые серьги.

Машина лавировала между сугробов, а женщина в разных ракурсах и при разном освещении казалась то двадцатипятилетней девушкой, злоупотребившей косметикой, то семидесятилетней ухоженной дамой.

Но если присмотреться и напрячь память, то можно было узнать в женщине певицу Злату, популярную в 90-е годы. Что касемо возраста, на самом деле Злате не так давно исполнилось пятьдесят семь, но она бережно хранила и поддерживала свой образ куколки-нимфетки.

За рулем малолитражки сидел Богдан Богданов, муж и продюсер певицы.

Их браку был уже не один десяток лет, и мало кто из пар отечественного шоу-бизнеса мог похвастаться столь верным и долгим союзом. Богдан Богданов обожал свою супругу, баловал и лелеял ее – поскольку детей у супругов не было, то Злата заменяла Богдану и ребенка.

– Златочка, смотри, это не наша Алевтина?

– Где? Точно, она! Только не сигналъ, ты ее испугаешь, Богдаша!

Малолитражка напряглась, вырвалась из очередного снежного заноса и скоро догнала женщину в сером пуховике, которую супруги называли Алевтиной.

– Алечка-а! – опутив стекло, пропела нежным голосом Злата.

Женщина в пуховике, как раз собиравшаяся войти в подъезд, вздрогнула и обернулась. Улыбнулась радостно:

– Ой, Злата! Богдан!

Мужчина вышел из авто (обнаружилось, что он невысокий, плотненький, в пальто до пят, напоминающем то самое, знаменитое, шалыпинское пальто с известного рисунка), открыл дверцу, протянул руку супруге. Злата выпорхнула из салона и, кокетливо перебирая тонкими, настоящими девичьими ножками в белых высоких сапогах, побежала к Алевтине, расцеловала ту от души. Со стороны странно смотрелся поцелуй этих двух женщин, столь непохожих.

– Ой, кто там у тебя? – засмеялась Злата.

– Котик, – Алевтина достала из-за пазухи рыжего котенка-подростка, умело повертела перед собой. – Мальчик. У него ошейник есть.

– Ну-ка, ну-ка, что там написано... Марс. Его зовут Марс! – захлопала в ладоши, обтянутые нежными замшевыми перчатками, Злата. – Богдаша, какая прелесть, котика зовут Марсик!

К женщинам спешил Богдан – он с трудом тащил за собой два огромных мешка:

– Уф... Потерялся, что ли, ваш Марсик?

– Да прям! – помрачнела Алевтина. – Видно же – выбросили. Среди гаражей мыкался. Еле спасла. Его мальчишки чуть насмерть снежками не забили.

– Звери... – побледнев, поникла Злата. – Какие же звери. Знали бы их родители...

– Знали! Они рядом были, между прочим, – презрительно бросила Алевтина. – Чуть меня сами не убили за то, что я посмела их деткам замечание сделать.

– Да, да, да! Я не удивляюсь. Какие родители, такие и дети. Хотя не угадаешь, кого вырастишь... Слава богу, меня это «счастье» мимо обошло. Я не представляю, если бы мой ребенок такое стал вытворять! Все эти разговоры, что материнство – это святое, на самом деле... –

Злата не успела договорить, поскольку в этот момент из подъезда выскочил мужчина в халате, тапочках на голые ноги.

– А, вот ты где... Не уйдешь, зараза! – заорал он и бросился к Алевтине, растопырив руки – с явным намерением задушить ее. – Я тебя предупреждал ведь!

Богдан бросил мешки и побежал наперерез. Разогнавшись тараном, обхватил мужика в халате и повалил того в сугроб.

– Ну все, беги! – прошептала Злата и на прощание еще раз поцеловала Алевтину. – Ты святая женщина, да хранит тебя Бог.

Алевтина заторопилась к дому, а Злата принялась быстро-быстро крестить ее спину. Когда подъездная дверь хлопнула за спиной женщины, Злата крикнула мужу:

– Богдаша, отпусти его! Алечка ушла!

Из сугроба резво вынырнул Богдан.

– Мешки занося. Скорее, скорее, пока эти не набежали! – отчаянным шепотом закричала Алевтина.

Богдан уже неся с мешками к подъезду.

Злата тем временем храбро преградила путь мужчине в халате. Тот вылез из сугроба, держа в руках свои тапочки.

Надел их. Отряхнул с халата снег, уткнулся в Злату.

– А, это ты, старая свиристелка, – с ненавистью произнес мужчина. – Это ты масла в огонь подливаешь...

В это время где-то сверху открылось окно и чей-то женский голос, полный ненависти, разнесся над снегами:

– Негодяи! Опять к ней с мешками приехали!

Распахнулось другое окно:

– Вася, задержи их! Я телевидение вызвал! Пусть вся страна узнает, в каком аду мы живем! И пусть посмотрит на эти старые песни о главном... Которые этой ведьме Альке помогают!

Рядом со Златой бухнулась на припорошенный снегом асфальт маринованная помидорина. Женщина ойкнула и засеменила к машине. Быстро скользнула в салон и принялась салфеткой оттирать помидорный след с сапожек.

Скоро появился Богдан, плюхнулся на сиденье, нажал на газ:

– Едем! Они там сейчас все из квартир выскочили, я думал, растерзают меня...

* * *

Женщина, которую другие люди звали Алевтиной, вытащила Марса из-за пазухи и поставила на пол.

Марс попытался вдохнуть в себя густой, плотный воздух и... едва не закашлялся. В легких его запершило – словно в них попала вода. Он примерно мог предполагать, что попадет в дом Великой Матери Кошек, но никак не ожидал, что соплеменников окажется столь много. Вернее, столь много – на столь невеликом пространстве!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.